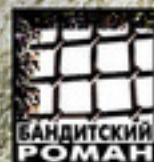

СЕРГЕЙ
ДОНСКОЙ

**Дикий
ФРАЕР**

ЭКСМО

Сергей Донской
Дикий фраер

«Автор»

Донской С. Г.

Дикий фраер / С. Г. Донской — «Автор»,

Вор у вора чемодан украл. Точнее, бизнесмен у бизнесмена – так это нынче называется. Не простой чемодан – баксами набитый. И стал он переходить из рук в руки. В чьи руки попадет – тот непременно умрет дурной смертью. А с одним, вы не поверите, вообще обошлись исключительно по-турецки: на кол посадили! Но и это не охладило охотников до чужого, особенно богатеньких: им ведь всегда мало. Ну, а на выдумки кто хитер? Голь. Вот она и выдумала, как это сокровище оприходовать.

© Донской С. Г.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	38
Глава 6	45
Глава 7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сергей Донской

Дикий фраер

Все герои этой книги выдуманы, хотя и не мной, а самой жизнью.

И не моя вина, что нынешние герои такие, какие они есть.

Вернее, это не только моя вина.

Мы все в ответе.

Автор

Глава 1

Железная сделка

Офис курганской фирмы «Сталь» обнаружился в захудалом подвале жилого дома. Навес над узкой выщербленной лестницей, ведущей вниз, почему-то отсутствовал, и перед ржавой железной дверью скопилась лужа дождевой воды. Кто-то заботливо уложил посреди бурого озера пару кирпичей, на которых приходилось балансировать в ожидании того торжественного мига, когда дверь распахнется, приглашая войти внутрь.

– Жмотье! – выругался Костя, опасливо взгромоздившись на кирпичи и нажимая кнопку звонка. – Вот же жмотье проклятое!

В этот момент он вспомнил, что где-то поблизости может таиться всевидящая камера наружного наблюдения, и скоренько поменял брюзгливое выражение лица на нейтральное, деловитое. Если вам что-то померещилось, то я не виноват, господа хорошие! Вот он я, весь как на ладони. Бизнесмен среднего пошиба, в меру упитанный, в кашемировом полупальто цвета бордо, при внушительном кофре о золоченых замочках. На ногах достаточно солидные башмаки с квадратными носами. То, что они перепачканы жидкой осенней грязью, еще не свидетельствует о моей несостоятельности. Может, машина за углом оставлена, чтобы не колесить новехонькими данлоповскими шинами по загаженному до невозможности двору. Главное – я здесь, а в кофре покоится заветная папочка с интересующими вас бумагами...

Так мысленно оправдывался Костя, терпеливо дожидаясь, когда его впустят и проводят к господину Лехману, владельцу фирмы «Сталь».

Когда дверь с неприятным скрипом открылась, он решил, что сейчас мутный поток хлынет внутрь помещения, но этого не случилось: обитатели подвала, оказывается, предусмотрели на этот случай высоченный порог.

«Лучше бы навес соорудили!» – желчно подумал Костя, проворно перепрыгнув с шатких кирпичей на спасительную твердь. При этом ему показалось, что брюки между ногами подозрительно затрещали по шву, и он решил, что не станет снимать в офисе пальто, чтобы не всплыли возможные грехи его гардероба.

Впустил его в подвальные тенета высоченный парняга с гренадерской выправкой, светлыми волосами и лицом настолько простодушным и наивным, что Косте немедленно захотелось ему что-нибудь втереть, втюхать, впарить. Например, гражданство какого-нибудь несуществующего государства с экзотическим названием, баксов эдак за пятьсот. Но у парня навряд ли хоть раз в жизни скапливалось в карманах так много денег. Кроме того, цель Костиного визита была слишком грандиозной, чтобы размениваться по пустякам.

– Доброе утро. – Он лучезарно улыбнулся, украдкой обтирая грязные подошвы о линолеум. – Могу я видеть господина Лехмана?

– Запросто, – пожал внушительными плечами привратник. Потом вспомнил, для чего он здесь поставлен, и неумело нахмурил светлые брови. – Вы это... по какому вопросу? Откуда?

– Фирма «Бриз», – с достоинством отвечал Костя, слегка приподняв выскобленный до нежной голубизны подбородок. – Мы условились о встрече по телефону. Лехман меня ждет.

– Тогда проходите.

Костя протиснулся мимо него бочком и двинулся вперед, высматривая в длинном узком коридоре что-нибудь похожее на приемную. Но хлипкие фанерные двери все были одна в одну – ободранные, непрезентабельные. Вытертый до дыр линолеум на полу как нельзя лучше гармонировал с общим убогим интерьером.

Остановившись в нерешительности посреди подвала, Костя услышал за спиной повелительное:

– Прямо!

Ему почудилось, что коридор – тюремный, а за спиной грозный надзиратель. Косте ни разу не приходилось бывать за решеткой, бог миловал, но он всегда помнил, от чего не следует зарекаться на Руси, тем более при его специфической профессиональной ориентации. И, если всплывали в фильмах сцены мрачного эковского быта, он в суеверном ужасе обязательно прокручивал кассету дальше или вовсе выключал видеомагнитофон.

Ибо, несмотря на вполне невинное прозвище Филиппок, Костя был не в ладах с законом. Одно время он занимал не самое последнее место в группировке самого Хана, рэкетирского пугала Курганска и его окрестностей. Являлся тогда Филиппок таким путеводным лоцманом, рыбешкой мелкой, но довольно опасной, учитывая маячащую где-нибудь поблизости акулю пасть.

Был у Кости грозный покровитель, да сплыл. Отправили его однажды, как водится в криминальных кругах, завоевывать авторитет в мире ином, а бывший главный специалист по разводу лохов остался не у дел. Сбрил он усы, после чего во рту отчетливо проглянули его кроличьи зубы, настороженно огляделся по сторонам и стал мало-помалу учиться выживать самостоятельно, переключившись на индивидуальную трудовую деятельность. А началась она, родимая, с мелких махинаций, которых в любимом отечестве было напридумано столько, что никакая Шехерезада не перечислила бы их за отведенные ей тысячу и одну ночь.

Свое самое удачное и крупное самостоятельное дело Костя провернул на одной из круглосуточных платных автостоянок. Загнал туда как-то поздним вечером алый джип «Чероки», поставил его на указанное охранником место, расплатился за месяц вперед и удалился, беззаботно помахивая трубкой сотового телефона. Средства передвижения и связи были взяты напрокат в трудовом коллективе некоего Стингера, который раньше бригадировал у Хана, а после его смерти избрал масть полного отморозка и беспредельщика.

Через пару недель после Костиного визита стоянку посетил неприметный молодой человек с бычьим наклоном головы, продемонстрировал документы на «Чероки» и укатил в неизвестном направлении. А еще несколькими днями позже, в ту же смену, что и в прошлый раз, на площадке опять объявился Костя и принялся рыскать повсюду, тревожно высматривая свой исчезнувший джип. Вызвав на место происшествия хозяина, оказавшегося смазливый молодым человеком с идеальным пробором в темных волосах, Костя красочно расписал ему все многочисленные достоинства любимого автомобиля, а потом, ожесточившись лицом, назвал сумму неустойки: 40 000 долларов США.

Документы на джип были при Косте, квитанцию он предусмотрительно сохранил, да и запись охранников в журнале никуда не делась. В дополнение к этим аргументам за спиной истца нетерпеливо перетаптывались неприязненные заступники, наизусть зазубрившие фразу про ответственность за автомашины, припаркованные на стоянке. Рассказы предыдущей смены о незнакомце с документами на джип вызвали у Костиных спутников сначала скептические ухмылки, а потом все возрастающее раздражение и тягу к рукоприкладству и членовредительству.

В общем, деньги из незадачливого владельца стоянки были выбиты в полном объеме и поделены согласно предварительной договоренности. Костя, как автор идеи и главный исполнитель, отгреб ровно половину.

Располагая такой кругленькой суммой, он вежливо распрощался с братками Стингера, заявился к родителям в новом дорогом костюме и с ними распрощался тоже, поскольку приобрел себе собственную двухкомнатную квартиру, которую намеревался отремонтировать и обставить в кратчайшие сроки.

Тогда Косте не хватило денег на машину, но теперь он собирался восполнить этот вопиющий недостаток. Тот завидный куш, к которому посчастливилось приблизиться почти вплотную, сулил не просто любую тачку на выбор, но и массу других радужных перспектив, начиная со свиты манекенщиц с ногами от пупа и заканчивая яствами с такими умопомрачительными названиями, что от одной мысли про них язык наполнялся жадной, голодной слюной.

И будущие несметные богатства поджидали Костю в затхлом сыром подвале, назвать который офисом постеснялись бы даже здешние крысы!

– Вот в эту дверь напротив, – подсказал замешкавшемуся Косте голос привратника за спиной, после чего он бодро переступил последний порог, отделяющий его от светлой мечты.

Кабинет простирался больше в высоту, чем в длину или ширину. Оклеенный дешевыми обоями с давно увядшими ромашками, обставленный допотопным канцелярским гарнитуром с обязательным несгораемым шкафом в углу, он настроил Костю на унылый лад. В этой дыре, где не стрекотали принтеры, не курлыкали многофункциональные телефоны и не гудели компьютеры, с трудом верилось в наличие колоссальной суммы, предполагаемой намеченной сделкой.

Озадачивал также крайне скудный штат фирмы: развратной наружности девица с размазанной по подбородку помадой и пожилой еврей в клетчатом пиджаке, восседавший за исцарапанным столом на фоне необъятной карты Российской Федерации. В этом проглядывала некая символика. На мгновение Косте почудилось, что на дворе стоит горячая предвыборная пора и он находится на съемках пропагандистского ролика известного олигарха.

Костя с трудом оторвал взгляд от карты и задержал его на следующей достопримечательности кабинета – пепельнице в виде золотой рыбки, зев которой был доверху набит окурками. Отметив про себя, что хозяин кабинета курит, однако не что-нибудь, а «Парламент», Костя растянул губы в улыбке и произнес хорошо поставленным баритоном состоятельного мужчины, приближающегося к сорокалетнему рубежу:

– Здравствуйте.

Вместо того чтобы ответить на приветствие, предполагаемый Лехман похлопал свою шлюху-секретаршу по обтянутому брючками задку и ласково распорядился:

– Сообрази-ка нам чайку, Юлечка.

– Если можно, то лучше кофе, – с достоинством попросил Костя, без приглашения опустившийся на стул с драной обивкой.

– Нельзя, – ответил Лехман без тени смущения. – Кофе закончился.

«А на новый денег не хватает?» – съехидничал Костя мысленно. Вслух же он произнес совсем другое:

– Что ж, обойдусь чаем.

Высокомерно фыркнув, развязная девица оставила мужчин наедине. Как легко было догадаться, отправилась совать вряд ли стерильными руками кипятильник в банку с ржавой водой, которой, может быть, предварительно подмоется. Чаю Косте сразу расхотелось. Он вообще жалел о том, что появился в этих мрачных катакомбах.

Хозяин кабинета словно и не замечал, как привередливо крутит носом его посетитель. Сверкнув явно керамическими зубами, он поощрительно улыбнулся и сказал:

– Итак, обсудим наши дела, уважаемый Константин... – Тут последовала пауза, проиллюстрированная вопросительно приподнятыми бровями, мохнатыми и подвижными, как пара гусениц.

В детстве Костя давил таких десятками, размазывая их подошвами по асфальту.

– Кузьмич, – мгновенно нашелся он. – Константин Кузьмич Давыдов.

Нынешний паспорт достался ему от неведомого тезки, сына Кузьмы с бравой гусарской фамилией. На этот чужой документ была зарегистрирована фирма с ветреным названием «Бриз». Так что теперь Костя был при печати, уставных документах и даже свой банковский счет зазубрил наизусть для пущей важности.

– Константин Кузьмич, – согласно кивнул собеседник. – А я тот самый Лехман Михаил Иосифович, с которым вы так долго общались по телефону. Но пришло время познакомиться поближе, верно? – Он дружелюбно хохотнул и склонил голову к клетчатому плечу, откровенно любуясь посетителем.

– Верно, – подтвердил Костя. – Такое время пришло, и оно, знаете ли, поджигает. – Он выразительно посмотрел на хозяина кабинета.

– Хуже всего, когда не хватает не времени, а денег. – Тон Лехмана был наставительным, как у царя Соломона, диктующего писцу свои притчи. – Вы со мной согласны, уважаемый?

– Целиком и полностью, – ответил Костя.

Эмоциональная кривая его настроения резко пошла в гору. Лехман завел речь о деньгах без тени смущения или неуверенности, что говорило в его пользу. А невзрачный антураж, как начал догадываться Костя, был нужен этому хитрецу для маскировки, в лучших традициях гражданина Корейко. Ни одна тварь не унюхала бы в этом подвале запах больших денег. Костя машинально втянул ноздрями воздух, но, кроме слабых канализационных ароматов, действительно не уловил ничего.

– Чай, – очень кстати объявило пышногрудое дитя подземелья, возвратившись в кабинет с деревянным подносом, имитирующим хохломскую роспись столь же удачно, как теплая отечественная водка – японское сакэ.

Обе чашки оказались разных расцветок и конфигураций, а ложки и сахарница не были предусмотрены здешним этикетом. Костя хотел полюбопытствовать, присутствует ли в бледном напитке что-нибудь помимо редких чаинок, плавающих на поверхности, но сдержался, опасаясь нарваться на невозмутимое: «Сахара нет, закончился».

Прежде чем удалиться, девица поставила перед мужчинами чашки, щедро пролив при этом чай на стол. Точно шкодливая кошка лужицу оставила, брезгливо подумал Костя и тут же мысленно похвалил себя за предусмотрительность: молодец, что сразу не выложил документы. Ведь бумаги у него были что надо, подлинные, освященные размашистыми подписями и печатями.

Обзаведясь фирмой, он направился напрямиком в государственный трест «Вторчермет», где легко пробился на прием к управляющему. По причине полной запущенности учреждения бизнесмены были здесь редкими гостями, поэтому к Косте отнеслись с вниманием, даже устроили ему ознакомительную экскурсию по территории.

Ничего более интересного, чем раскуроченные локомотивы, списанные комбайны, насквозь проржавевшие бульдозеры и прочие неподъемные крупногабаритные экспонаты, на площадке, продуваемой всеми ветрами, не наблюдалось. Все, что можно было погрузить и вывезти, давно исчезло в доменных печах, а новые партии лома на базу не завозились, поскольку поставщики шарахались от государственных закупочных цен как черт от ладана. Перекупщики рассчитывались за лом щедро и сразу, так что конкурировать с ними не было никакой возможности.

Слушая тоскливую исповедь управляющего трестом, Костя для виду приценился к имеющемуся в наличии железу, и тут собеседник угрюмо признался, что последние циркуляры вообще запрещают ему отгружать лом частным фирмам, принуждая снабжать сырьем металлургический комбинат.

Произнеся последнюю фразу, управляющий внезапно озлобился, выбросил вверх сжатую в кулак правую руку, пристукнул по локтевому сгибу ребром левой и предложил неизвестно кому выкусить известно что.

Выяснилось, что металлурги недоплатили тресту сто миллионов рублей с гаком и погашать задолженность не собираются.

– Предлагают готовую продукцию, – возмущался управляющий, – а кому она на хрен нужна по таким непомерным отпускным ценам? Куда я арматуру дену? – пылко спрашивал он Костю. – Раздам работникам вместо зарплаты?

– Это не проблема, – заявил Костя важно, – на то и существуем мы, отечественные бизнесмены.

В результате был оформлен соответствующий договор, согласно которому фирма «Бриз» забирала у металлургического комбината готовую продукцию на общую сумму задолженности, а с трестом рассчитывалась деньгами. Для полного комплекта Костя обзавелся также письмом, в котором управляющий трестом уведомлял директора металлургического комбината о том, что прокат должен быть отгружен по реквизитам, указанным фирмой «Бриз».

Так Костя, которому отныне паролем служило волшебное словечко «взаимозачет», оказался вхож во все нужные кабинеты комбината.левой публике, не допущенной к кормушке свыше, продукция предлагалась по таким непомерным ценам, что волосы дыбом вставали. Нагрузили и Костю – по полной прейскурантной программе. Он не кочевряжился, заказывал и швеллер, и уголок, и арматуру. Подписал еще один договор, разжился заодно складской справкой о наличии готовой продукции, которая уже грузилась в вагоны. Сигналом к отправке первого состава должно было послужить извещение «Вторчермета» о поступлении денег от фирмы «Бриз». Но это была устная договоренность, никак не отраженная на бумаге.

Заварив такую крутую коммерческую кашу, Костя принялся названивать по объявлениям, выискивая платежеспособного покупателя. Он отдавал прокат по смешной цене – 130 долларов за тонну, но просил рассчитаться наличными сразу за всю партию. Торговал себе в убыток, желая выручить за 16,5 тысячи тонн стального ассорти 2 145 000 долларов, тогда как все это добро стоило минимум в полтора раза дороже.

Тут и всплыл этот самый Лехман, которого названная сумма ничуть не обескуражила. Несколько раз Костя общался с ним по телефону, уточняя сроки и согласовывая железнодорожные реквизиты получателя. По неизвестным причинам Лехман долго уклонялся от личных контактов, удовлетворившись факсимильными копиями документов, которые позволяли навести справки и удостовериться в том, что фирма «Бриз» не гоняет воздух попусту. Наконец он известил партнера о готовности расплатиться. От Кости требовалось лишь письменное подтверждение того, что получателем проката является отныне фирма «Сталь». И сегодняшние переговоры в лехманском бункере должны были завершиться обменом нескольких белых бумажек на пачки серо-зеленых, с портретами дядюшки Франклина.

Это сладостное предвкушение вполне заменяло Косте недостаток сахара в сомнительном напитке, который, повинувшись настоятельным напоминаниям Лехмана, все же приходилось время от времени прихлебывать.

– Еще чаю не желаете? – любезно осведомился Лехман, выставив на обозрение собеседника все богатое металлокерамическое оснащение своей ротовой полости.

«Нет! – мысленно отрезал Костя. – Денег желаю, морда твоя семитская!»

– Спасибо, достаточно, – вежливо ответил он и решительно бухнул на стол кофр, из которого извлек прозрачную целлулоидную папку. – Здесь оригиналы документов. Можете ознакомиться. Удостовериться, так сказать, в моей благонадежности.

– Зачем? – Лехман состроил оскорбленную мину почтенного семьянина, которому предложили подглядывать сквозь щелочку за переодевающимися подружками его дочери-школьницы. – Я и на комбинате не поленился побывать, и в тресте... Все в порядке, уважаемый! Я вам верю! – Еще не доведя свое пылкое признание до конца, он все же полез в папку, откопал там письмо о переадресовке проката и уткнулся в нее носом, чуть ли не обнюхивая каждую строчку. – Угу, угу, – приговаривал он, а, дочитав текст, поднял глаза на Костю и одобрительно произнес: – Что ж, это то, что от вас и требовалось. Каковы будут наши дальнейшие действия?

– Задаток, – напомнил Костя, едва сдерживаясь, чтобы не заорать от нетерпения. – Сто сорок пять тысяч.

– Был такой уговор, – подтвердил Лехман. – А отгрузка когда?

– Сразу после получения задатка. – Костя заерзал на жестком стуле и несколько раз сменил переплетение ног, выдавая свое твердое намерение завязать их на мертвый узел и не сходить с места до тех пор, пока его требование не будет выполнено.

Несмотря на подозрительную нервозность, сквозившую в его поведении, пока что он говорил чистую правду. Вчера вечером Костя навел на управляющего трестом и предложил ему эти самые сто сорок пять тысяч за то, чтобы он дал команду об отгрузке, не дожидаясь перечисления всей суммы. Мужик моментально все понял, обильно вспотел и, перейдя на эзопов язык иносказаний, дал свое согласие. Но тут номер с отсрочкой платежа не проходил, о чем недвусмысленно говорил выразительный прощальный взор управляющего.

Теперь Костин взгляд приобрел очень сходное выражение, отчего его блекло-голубые глаза наполнились извечной тоской дворняги, ожидающей подачи... или удобного момента выхватить ее зубами у зазевавшегося доброхота любой ценой. Даже вместе с доверчиво протянутой рукой.

Он жаждал сделаться миллионером с той всепоглощающей страстью, которая по накалу могла сравниться с вожделием оскотенного евнуха, мечтающего поиметь весь вверенный ему гарем. И вот наконец долгожданное счастье оказалось таким близким и доступным, что Костю едва не коржило от преждевременных сладостных спазмов.

Бизнес, он как коллективный секс – наибольшее удовольствие получает главный инициатор. Впрочем, остальные участники коммерческой групповухи, затеянной Костей, тоже не рисковали остаться неудовлетворенными. Лапу сосало лишь государство, которое было для всех остальных партнеров понятием таким же мифическим, как, скажем, затонувшая Атлантида. Если все-таки запоздало возбудятся правоохранительные органы и пожелают получить свою порцию удовольствия, то флаг им в руки, трехцветный – так полагал Костя. Ищите-свищите потом истинного основателя фирмы «Бриз», это все равно что ветер в поле ловить!

Из задумчивости его вывел сделавшийся необыкновенно скрипучим голос Лехмана.

– Задаток, – произнес он с унылой обреченностью человека, вынужденного расстаться с деньгами. – И когда я увижу вас после вручения денег? Заметьте, со всеми необходимыми отгрузочными документами.

– Через три часа, – твердо сказал Костя. – Максимум – через четыре.

Мохнатые лехманские брови сползли почти вплотную, когда он сказал:

– Лучше через четыре. Прежде чем расплатиться полностью, я должен удостовериться, что хотя бы один состав вышел с территории комбината.

– Как скажете.

Тяжело вздохнув, Лехман не менее тяжело встал, обогнул стол, запер дверь на ключ и достал из стенного шкафа красивый серый кейс, который бережно водрузил на стол. Выставил нужные цифры кода, щелкнул замками. Смерил Костю подозрительным взглядом и после

некоторого колебания продемонстрировал содержимое чемоданчика. Там лежали аккуратные пачки стодолларовых купюр, теснящиеся, как шпроты в банке.

– Гм, – кашлянул Костя, прочищая внезапно сузившуюся гортань. – Кха!

– Вся сумма, – просто сказал Лехман. – Но считать будете потом. Сейчас просто получите свои... – он выхватил из чемоданчика несколько пачек, покоившихся отдельно в полиэтиленовом мешочке, и закончил: — ...сто сорок пять тысяч.

– Здесь все? – Костин голос предательски дрогнул, сорвался на пионерский фальцет, каким хорошо петь про «орленка-орленка», но не очень удобно общаться с деловыми партнерами.

– Не сомневайтесь, – успокоил его Лехман. – Как в швейцарском банке.

В его тоне сквозило превосходство безвылазного завсегдатая цюрихских финансовых закровов, прямо дедушка Ленин какой-то!

Костя поймал себя на желании схватить протянутые деньги и бежать сломя голову, не дожидаясь добавки. Но он взял себя в руки. Слишком крупное дело проворачивалось, чтобы свести все к заурядному кидалову. Костин куш стоил почти в четырнадцать раз больше, и в придачу он находился прямо перед глазами, которые было невозможно оторвать от набитого деньгами чемоданчика.

Заметив застывший Костин взгляд, Лехман проворно убрал свои сокровища от греха подальше и напомнил:

– Вам надо спешить.

– Да, конечно, – очнулся Костя, пряча задаток в кофр, алчно чмокнувший замками. – Я могу идти? – спросил он как-то очень уж по-военному. Оставалось только каблуками прищелкнуть.

– Разумеется. Разве кто-то вас держит? – Лехман скупно улыбнулся и растопырил в воздухе пальцы: ручки-то вот они.

– Тогда до свиданья.

– А вот прощаться не будем, – нахмурился Лехман, который, кстати, не расщедрился и на приветствие. – Мы, надеюсь, ненадолго расстаемся?

Его взгляд внезапно преисполнился недоверчивой задумчивости. Испугавшись, что сейчас все пойдет прахом, Костя заторопился:

– Мне пора. Нужно всюду успеть.

– Непременно, – согласился Лехман, открывая дверь. – Надеюсь, что так оно и будет.

Поймав на улице извозчика, Костя помчался в трест «Вторчермет», где его баульчик полегчал ровно на сто сорок пять тысяч, собственными ушами услышал, как управляющий переговорил по телефону с директором комбината, и ринулся отслеживать свои составы. Несколько часов кряду он как ошпаренный носился по многочисленным службам комбината, сулил материальные поощрения, торопил, уговаривал, умолял, а его кофр тем временем пополнялся все новыми и новыми документальными подтверждениями реальности отгрузки.

С целой кипой накладных и распечаток номеров вагонов Костя вернулся обратно и уже в начале третьего дня нетерпеливо нажимал звонок перед знакомой ржавой дверью.

«Жаль, сумку не догадался по дороге прихватить, кофр может оказаться чересчур мал, – сетовал он, выжидательно раскорячившись на кирпичях над бурой лужей. – Но ничего, этот старый еврей свой чемодан отдаст, не обеднеет. Если уж на то пошло, то я ему заплачу. Хоть целую сотню. Теперь я могу тратить ежедневно и больше».

Платить, однако, было некому, а тратить в общем-то особо нечего. И запасная сумка Косте не пригодилась, потому что никто не спешил загружать в нее долларовые брикеты. Не

открывалась железная дверь, хоть лбом в нее бейся! Стояла перед Костиными глазами, неподвижная и безразличная к его эмоциям.

Тщетно он пытался вдавить омертвелую кнопку звонка в каменную стену, напрасно барабанил в дверь кулаками, каблуками и даже мокрым кирпичом, поднятым из лужи. Ни ответа не было, ни привета.

Но Костя еще долго стоял по щиколотки в холодной воде, часто шмыгая носом и с горечью понимая, что насморк – не главная беда, которая приключилась с ним сегодня. Даже хронический простатит был сущим пустяком в сравнении с масштабами постигшей Костю катастрофы.

Его кинули. Облапошили, непринужденно и красиво, как дремучего таежного отшельника, позарившегося на выигрыш в лохотроне при первом же посещении столичной ВДНХ. Остановить отгрузку металлопроката было невозможно, поскольку юридически фирма «Бриз» уже потеряла на него все права. Отслеживать в одиночку вагоны и искать Лехмана в пункте назначения было по меньшей мере наивно. Поезд, как говорится, ушел. Ту-ту-уу! Чух-чух-чух!

Бесцельно пошлявшись по двору еще около часа, Костя побрел в отвратительно чавкающих башмаках прочь, а в голове его заезженной пластинкой крутилась издевательская поговорка про синицу в руках, которая лучше журавля в небе. Стоило лишь изгнать из мыслей назойливую синицу, как ее сменил недолго потанцевавший фраер, сгубленный собственной жадностью.

– Амбец, – причитал новоявленный фраер вполголоса. – Полный амбец с абзацем в придачу.

По возвращении в свой маленький холостяцкий рай Костя брезгливо выпотрошил стакан коньяка, соорудил парочку внушительных бутербродов и, пережевывая их без привычного вдохновения, постарался убедить себя в том, что, несмотря на всякие неприятные сюрпризы, жизнь прекрасна (протяжный горестный вздох) и удивительна (короткое сардоническое хмыканье).

На подмогу пришел уже изрядно хмельной внутренний голос. За два лимона баксов тебя могли запросто удавить в вонючем подвале, бубнил голос, удавить и замуровать в стене. Ты цел? Невредим? Значит, грех жаловаться на судьбу. Коньячком балуйся, балычок жуй, паштет мажь на белый батон погуще. Не кручинься понапрасну, не вешай буйную головушку, а лучше давай мы с тобой, Константин, на славу отдохнем от трудов несправедных, устроим себе маленький праздник, чтобы жизнь медом показалась! В общем, держи хрен морковкой, Константин.

Был настолько убедителен этот внутренний советчик, хорошенько поддавший коньячку, что Костя очень скоро проникся оптимизмом своего зеленого змея-искусителя.

Вода перепачканным паштетом пальцем по последней странице «Курганского вестника», он наугад выбрал одно объявление из десятков других, где речь шла о скрашивании досуга одиноким мужчинам, и набрал указанный номер.

Неведомая жрица любви была заказана с 18.00 до шести часов утра, причем Костя азартно поторговался со сладкоголосой диспетчершей, требуя скидку за долгосрочность своих намерений. Сбросили ему сущую мелочь, но и это было каплей бальзама на душу, отравленную ядовитым плевром Лехмана.

Потеряв два миллиона долларов, Костя внезапно сделался очень расчетливым и бережливым. Это был единственный, но несомненный плюс от преподанного жизнью урока.

Глава 2

Свинские забавы

– Тебе хорошо? – спросил пузан у Эльки.

Тяжелый, потный, вонючий, он и не думал заканчивать свое дело, а продолжал усердствовать сверху да еще интересовался, довольна ли она этим.

– О! – простонала Элька, едва сдерживаясь, чтобы не сбросить любопытствующего пузана с кровати на пол. – Ты такой классный... Я от тебя балдею.

– Правда? – Он польщенно засопел в две дырочки, хотя это было нелегко, учитывая обилие волос, торчащих оттуда.

– Конечно. Я прямо задыхаюсь.

Она не врала. Навалившаяся туша весила за сто килограммов, тут поневоле запыхаешься. А неутомонный пузан рад стараться! И хорошо бы продолжал гонять воздух своим пористым носом, похожим на вялую картофелину, а то разинул пасть от избытка чувств! Элька закусила губу, чтобы не скривиться от отвращения. Чеснок, дрянной табак плюс дешевая водка. Джентльменский набор, блин!

Экономил, видать, клиент на продуктах, чтобы сразу с двумя девочками оттянуться в областном центре. Раскошелился на одноместный номер – не люкс, конечно, но зато с холодильником и телевизором. Обзавелся газеткой, выложил 2 500 рублей за три часа «незабываемого времяпровождения в обществе очаровательных юных леди». Теперь это самое времяпровождение шло полным ходом. За скрашивание досуга одинокого мужчины по полштуки причиталось Эльке и ее напарнице Анжеле. Остальное уходило на прокорм «мадамихи» и ее многочисленных мордастых иждивенцев.

Анжеле еще повезло, отработала насосом через резинку и плескалась теперь под душем. А Эльке пришлось отдуваться за двоих. Пузан проклятый никак не желал от нее отвалиться. Или таблеток каких-нибудь наглотался, чтоб хотелось и могло? – уныло предположила Элька. Если этот половой гигант намеревался за три часа наверстать все упущенное в жизни, то она себе не завидовала. Быстрее бы до душеспасительных бесед дело дошло, думала она, вперив взгляд в незамысловатый светильник, зависший прямо над ее головой. Даже паршивую водку хлестать стаканами была готова Элька, лишь бы на время уgomонился этот ненасытный хряк с неубывающей потенцией.

– А так лучше? – не унимался тот.

Он облапил Эльку за тонкие лодыжки и задрал ее ноги к потолку, побряхтывая от натуги.

– Мм-мм, – протянула она, мотая головой по подушке от резкой боли.

Субтильна была Элька, несмотря на примечательный рост – 180 сантиметров. Оттого плохо переносила подобные акробатические трюки.

Пузан победно загоготал и задвигался еще активнее, стремясь вырвать из жертвы побольше оплачиваемых стонов и вздохов. Пришлось Эльке поработать рукой, щекоча и поглаживая то, что хотелось оторвать к едрене фене, превратив хряка в кастрированного борова. И заходила она вся ходуном, торопя события.

В свои 22 года, помимо пятилетнего сынишки Антошки, имела она на своем попечении также немощного отчима и ударившуюся в религию мать, не умеющую или не желающую заботиться о хлебе насущном. Родители проживали на Украине, оба одинаково сильно хотели кушать, а также имели множество других желаний и потребностей. Самых разнообразных. За их удовлетворение отвечала почему-то Элька.

Парализованного после многолетних беспробудных запоев отчима (обширный инсульт, именуемый в народе кондрашкой) приходилось обеспечивать лекарствами и свежей прессой, без которой он, видите ли, чувствовал себя живым трупом. Лучше бы по-настоящему очоурился, раз не способен самостоятельно стоять на ногах и зарабатывать себе на пропитание, привычно пожелала ему Элька, не забыв коротко помолиться об исполнении своей мечты. Она ненавидела этого человека. Все ее детские воспоминания были пропитаны запахом перегара, озвучены пьяным матом, расцвечены мамиными синяками.

Мама? Элька давно не называла ее так, даже в мыслях. Не могла простить мать за то, что однажды та привела домой мужика, превратившего их жизнь в сплошной ад без отпусков и выходных. Чувствуя свою бесконечную вину перед дочерью, мать вроде бы ничего никогда у нее не просила и тем более не требовала. Потупленный взгляд, поджатые губы – вот я какая, доченька, прости меня, дуру старую, если можешь.

Но это было напускное смирение, ханжество святоши, которой мать заделалась, когда снюхалась с мутноглазыми свидетелями Иеговы. И ведь отлично знала, чем занимается родная дочь в далеком Курганске! Тем не менее остерегалась называть Эльку вавилонской блудницей, ибо без ее грязных денег не смогла бы позволить себе даже лишнюю свечечку купить, не то что цветными журналами «Сторожевая башня» всю хату завалить до самого потолка.

Раньше единственной Элькиной отрадой был, конечно, Антошка. Первая трогательная улыбка, первый лепет, первые шаги. Уже ради этого стоило жить, и она жила, тянула свою лямку как проклятая, перла вперед и вперед, не останавливаясь ни перед какими трудностями. Малыш имел все, в чем нуждался, потому что Элька, отказывая себе в модных духах или лишних колготах, покупала ему витамины, одежду, обувь и, конечно же, игрушки, много красивых, ярких игрушек. Все было хорошо, пока Антошка удовлетворялся солдатиками и машинками, но пришло время, когда ему втемяшилась в голову игровая приставка с картриджами, и тогда пришла беда, такая же огромная, как прежняя радость.

Кинескоп старенького телевизора «Славутич», у которого пролеживал на пузе Антошка все свободное от других забав время, однажды взорвался. Он рассказывал потом, что как раз уничтожил враждебный космический корабль и решил, что его гибель сопровождается таким потрясающим эффектом. Эта была последняя Антошкина победа в звездных войнах. Осколком ему выбило правый глаз, а сетчатку левого опалило до такой степени, что окружающий мир превратился для него в почти непроглядные сумерки.

Сложнейшую операцию по восстановлению зрения мальчику брались провести лишь в одной частной немецкой клинике, и стоила она безумно дорого. Чтобы скопить необходимую сумму, Элька отправилась в Россию на заработки, и, хотя за минувшие полгода практически не вылезала из-под клиентов, ее главная цель в жизни оставалась почти такой же недостижимой, как и в начале хождения по мукам.

И после всего этого хорошо ли ей, а? Вопрос пузана показался Эльке таким издевательским, что она опять застонала с неподдельной искренностью. Он, приняв это за проявление нарастающей страсти, откликнулся сдавленными возгласами, мало отличающимися от тех, которые издают подобные здоровяки, тужась на унитазе. Повезло ему, что Элька держала веки опущенными. Если бы сквозь ресницы проглянул ее ненавидящий взгляд, ходить бы пузану импотентом до конца его дней!

Но скоро весь этот кошмар должен был закончиться. Вчера Элька на свой страх и риск снялась самостоятельно и подлохматилась так, как и за год работы без сна и отдыха не сумела бы. Одной наличности у нее было теперь 5 000 гривен, не считая драгоценных мужских цацек. Приятная на ощупь пачка денег покоилась за подкладкой сумочки и согревала Элькину душу. Еще три раза по столько, и можно будет запрашивать немецкую визу. Элька надеялась, что недостающую сумму сумеет раздобыть достаточно скоро, хотя понятия не имела, каким образом и где.

Это была ее прощальная гастроль в Курганске. Обобранный прошлой ночью клиент был из тех, кто ищет и обязательно находит, так что встречаться с ним снова было равносильно самоубийству. Поэтому еще до начала рабочей смены Элька отправила багажом свои вещички на Украину и приобрела железнодорожный билет на завтра. Из снимаемой квартиры, оплаченной за месяц вперед, смылась, выбросив ключи в помойку. Оставалось под любым благовидным предлогом выклянчить на время паспорт у «мадамихи», как-нибудь перекантоваться до завтрашнего утра, а потом – полная свобода, которая начнется с бодрого перестука колес вагона, уносящего ее к Антошке.

Господи, как же она по нему соскучилась! Чтобы поездка пролетела быстрее, она не бездумно в окно станет пялиться, а всю дорогу блаженно продрыхнет на верхней полке, наверстывая сутки хронического недосыпания. А при пробуждении приятно будет всласть помечтать о новой жизни, которую они начнут с Антошкой, когда все неприятности останутся позади. К нему вернется зрение, и он пойдет в школу, такой же веселый и жизнерадостный, каким был до того, как с ним стряслось это несчастье. Она закончит какие-нибудь платные курсы, наймется секретаршей в коммерческую фирму, почему бы и нет – с ее впечатляющими внешними данными? Глядишь, там и мужа удастся подцепить состоятельного.

Подставляться одному-единственному мужчине, каким бы он ни был уродом, будет в тысячу раз легче, чем терпеть все это удручающее многообразие самцов – молодых и старых, лысых и волосатых, поджарых и безобразно жирных, например, таких, как этот расхोлившийся пузан, распинаящий Эльку на серой простыне дешевого гостиничного номера.

– Хэх! – приговаривал он, налегая сверху. – Хэх!..

Этому не было видно ни конца, ни края. Точно угодила Элька под вечный двигатель.

На ее лицо упала капля теплого пота, и она хотела смахнуть ее, но пузан не позволил, ловко перехватил Элькины запястья, вынуждая ее лежать с распростертыми на кровати руками. Это дало ей возможность опустить наконец ноги, и она изо всех сил стиснула бедра, стремясь ускорить финал затянувшейся пытки. Пузан поменялся в лице, задержался, как жаба в кулаке юного натуралиста. Его пасть широко открылась, выпуская на волю запахи всевозможной гнили, скопившейся внутри. А зрачки в экстазе закатились к потолку, отчего глаза превратились в два жутковатых бельма припадного.

– А-а-а-х, – облегченно прогудел пузан, обрушившись на Эльку всей своей влажной тушей, проделав это с деликатностью кашалота, выбросившегося на берег.

Она тоже застонала – от усталости и отвращения.

– А вы все кувыркаетесь? – Голосок вернувшейся Анжелы звучал весело и бодро.

Сачканула, хитрюга, а теперь, когда самое плохое осталось позади, непринужденно появилась на месте событий. Свеженькая и чистая, точно не имела никакого отношения ко всей этой грязи. Непорочная дева с ангельскими глазами.

– Сил хватит еще и тебя покрыть, – самодовольно пообещал пузан, слезая с Эльки, как с неодушевленной подстилки.

Курносое личико Анжелы вытянулось: она никак не ожидала подобной прыти от немолдого уже мужика.

– Я оденусь пока? – спросила она, не желая крутить перед ним мокрой задницей. – Мокрая вся, холодно...

– Согрею, – остановил ее пузан. – Сейчас водочки примем, закусим, чем бог послал... И опять в койку. Если станешь каждый раз одеваться и раздеваться, то тряпицы твои раньше времени сносятся. – Он радостно захрюкал, углубившись сияющим рылом в холодильник, из которого извлек запотевшую бутылку и пару свертков.

Элька поплелась в ванную комнату с протекающим унитазом. Брезгливо смыла со дна ванны несколько курчавых волосинок, встала под душ и, отстранив голову, повернула до отказа

оба крана – синий и красный. Тугие струи получились холодноватыми, но ей было лень регулировать температуру воды. Как можно скорее смыть с себя чужую грязь – это все, что желала сейчас Элька.

В комнату она вернулась целомудренно замотанная в полотенце, вызвав этим завистливый взгляд Анжелы. Пузан уже усадил ее рядышком перед придвинутым к кровати столом и потчевал какой-то колбасой, на вид отвратительной, как член, ампутированный у трупа двухнедельной давности.

– Присоединяйся, – гостеприимно пригласил он Эльку. – Натуральный продукт. Я свиноферму держу и колбасный цех. Хрюшки – мои кормилицы. Так что от голода не помрем, хы-х!

Вот, значит, откуда у него эти свинские повадки и запах, – сообразила Элька, невольно сузив ноздри. Из снеди, разложенной на газете, она рискнула угоститься только длинным безвкусным огурцом ядовито-зеленого цвета.

– Парниковые, – похвастался свиновод. – Идут за милую душу.

Душа! – хмыкнула про себя Элька, лихо махнув полстакана едкой водки. Где она у него, душа? Вся салом обросла, жиром заплыла... А у меня где? И ответила себе в рифму: «Где-где? В...». Народный фольклор отводил ее бессмертной душе место совершенно конкретное и определенное, не то что туманные предположения всевозможных мистиков.

Пузан выпил без всякого тоста, хорошенько закусил и приложился жирными губами к Анжелиной груди. Прямо-таки мадонна с младенцем, саркастически оценила Элька получившуюся картину.

Анжела показала Эльке глазами: «Достал, фермер сиволапый!» Элька ответила легким поднятием бровей: «Что поделаешь, подруга! Терпи. Такова наша блядская доля. Или женская. Зачастую это одно и то же».

Пузан, отвалившись от мягкой сиси, блаженно заурчал, забулькал водкой, зачавкал колбасой. Анекдоты, которыми он вздумал повеселить девушек, были такими же сальными, как его волосы и угощение, но Элька и Анжела старательно подхихикивали, потому что даже это убогое застолье было лучше, чем сомнительные прелести обязательной сексуальной программы.

Оборвав очередной анекдот на полуслове, пузан тупо уставился на опустевшую бутылку и даже зачем-то потряс ею перед глазами, словно надеялся, что в ней, как по волшебству, возродится живительная сорокаградусная влага. Чуда не произошло, поэтому он трагически вздохнул, выбрался из-за стола и натянул спортивные штаны, покроем и объемом смахивающие на мешок для картошки. Выпусти его в таких на спортивную арену – она сразу превратилась бы в цирковую.

– Прогуляюсь до буфета, – галантно сообщил он гостям. – Водки никогда не бывает в самый раз.

– Мы подождем, – чирикнула Анжела.

– Куда ж вы денетесь? Денежки-то вот они! – Пузан победоносно взмахнул своим бумажником, конечно же, пошитым из желтой кожи своих ненаглядных хрюшек.

Мысленно приставив к его задку свинячий хвостик, Элька даже удивилась, что таковой отсутствует. Без хвостика и пятака пузан выглядел каким-то недоделанным. Не хватало ему этих маленьких штришков, чтобы выглядеть законченной свиньей.

Когда он удалился, шаркая по полу шлепанцами, запертые на ключ девушки переглянулись.

– Совсем заездил, – пожаловалась Элька.

– Это еще что! – протянула уже порядком захмелевшая Анжела. – Повезло тебе, подруга, что утром тебя дома не застали.

– А в чем дело? – насторожилась Элька. – Ты ничего не рассказывала.

– Так некогда было. Прямо с построения в койку.

– Какое еще построение?

– Утром кипеш был, жуть! – пояснила Анжела, с неудовольствием разглядывая засос, оставленный на груди любвеобильным свиноводом. – Мадамиха лично всех обзвонила и вызвала на ковер. Прям пионерскую линейку нам устроили, блин горелый!

– Зачем? – Нехорошее предчувствие собралось комком в Элькиной гортани, мешая разговаривать нормальным голосом.

– А затем, что бандюган один наехал со своими босяками. Оpozнание устроил. Его вчера клофелинчиком траванули и обшмонали как последнего поца. Пять штук баксов забрали, «гайки» золотые, часы, крест на вот такой цепи, – Анжела показала мизинец. – Он злой был как собака. Тамарке ни за что переносицу сломал. Показалось ему, видите ли, что она улыбается.

– И чем закончилось? – спросила Элька дрогнувшим голосом. – Нашли козу отпущения?

– Не-а. – Анжела закурила, по привычке пуская дым к потолку так картинно, как это умеют делать только кинозвезды, светские львицы и дешевые провинциальные проститутки. – Нас всего двадцать набралось из тридцати. Завтра утром новый сбор, общий.

– Почему он среди нас ищет? – раздраженно спросила Элька. Чтобы спрятать глаза, она тоже занялась прикуриванием сигареты.

– Сказал: эта телка профессионально работала, не как шалава уличная. Ухоженная, гладкая. Фигура классная, сама высокая, как манекенщица... Слушай! – Анжела выпучила глаза. – А это не...?

– Рехнулась? – огрызнулась Элька, не дав подруге высказать догадку до конца. – Я сроду клиентов не чистила, ты же знаешь.

– Ну-ну, – произнесла Анжела с нотками сомнения в голосе. – Хорошо если так. Потому что бандюган грозился фею эту наизнанку вывернуть. И слово сдержит, он такой.

– Да хватит тебе... – Элька хотела сказать: «каркать», но вовремя перестроилась и закончила фразу иначе: —... страсти-мордасти рассказывать. Тут и без тебя тошно.

– Что тошно, то тошно...

Добавить к этому было абсолютно нечего, а потому Элька диалог скомкала, решила отмалчиваться, невеселую думу думая.

Последние новости звучали так скверно, что ни о каком походе за паспортом не могло быть и речи, если Элька желала попасть на родину, а не на тот свет. Конечно, кордон можно было пересечь в поезде и без документов – она уже не раз проделывала это, строя пограничникам глазки или наспех отдаваясь самым бдительным в заплеванном тамбуре. Но паспорт с фотографией, оставшийся у мадамихи, грозил возникновением межгосударственного конфликта, так что Элькино настроение было очень далеким от того, которое принято называть безоблачным.

На вернувшегося с бутылкой свиновода она взглянула с такой ненавистью, словно он один был виноват во всех бедах, приключившихся с ней. Налитую в стакан водку она все же выпила, стремясь заглушить в себе страх и неуверенность в завтрашнем дне.

– Налетай на закуску! – бодро скомандовал пузан, вываливая на стол новую порцию скрученных калачиком колбас и длинных остроконечных огурцов. – Давайте, девочки, подкрепляйтесь. Скоро новый заход!

Вот же хряк ненасытный! И откуда только у него силы берутся? Словно прочитав Элькины мысли, пузан похвастался:

– Свиная кровь – мощная вещь! Здоровья у меня на пятерых бледных городских поганок хватит. А то еще печеночка сырая, свеженькая, теплая. Ее жуешь, а она дышит. Никакой виагры-фиагры не надо!..

«Сейчас меня стошнит, – тоскливо подумала Элька, краем уха слушая рассуждения эрудированного свиновода. – Меня начало тошнить давно, как только легла под первого клиента.

Теперь пришло время блевать. И продолжаться это будет бесконечно долго. Пока не выблюю все воспоминания».

Совладала с собой тем не менее. Пересилила рвотные позывы, приосанилась. Вот только к колбасе притронуться так и не смогла себя заставить. Пузан это заметил, огорчился. Приставил к промежности спортивных штанов огрызок натуральных размеров и пьяно хрюкнул:

– Кусай! Попробуй дяди-Степина гостинца.

– Я на диете, – пояснила Элька с холодком в голосе. – Фигуру берегу, знаете ли.

– Да какая у тебя фигура! – пренебрежительно фыркнул пузан. – Оглобля. Ни сисек, ни задницы приличной. Вот супружница у меня – это да. Есть за что подержаться!

«Вот и тискал бы свою толстозадую бабу, – мысленно порекомендовала Элька. – Или обхаживал бы своих свиноматок, что одно и то же. Свиноматки даже предпочтительнее – сисек у них намного больше, со счета собьешься, пока все перелапаешь».

Пузан уже охладел к ней, переключив хмельное внимание на Анжелу. Во-первых, на ней даже полотенца не наблюдалось. Во-вторых, она погрудастее была, к тому же двумя жировыми складками на животе успела обзавестись. А самое главное – Анжела как раз вовсю уминала колбасу с белым батоном и на отсутствие аппетита не жаловалась.

– Тогда ты кусай, кудрявая, – распорядился пузан. Шутка казалась ему очень забавной, и он не собирался просто так отказываться от нее.

Анжела моментально прекратила жевать, хотя непроглоченная пища все равно предательски оттопыривала ее щеку. Поздно было ссылаться на диету. Но, странное дело, она не могла заставить себя потянуться ртом к съедобному имитатору пениса. Недавно обслуживала самый настоящий, а тут вдруг заартачилась.

Внимательно глядя на нее, пузан неспешно выцедил полный стакан водки, после чего его глаза стали совершенно поросячьими, бессмысленными. Призывно телепая колбаской, словно подманивая собачонку, он ждал.

Анжела посмотрела на Эльку, и мольба вперемешку с отчаянием сквозила в ее взгляде.

– Брезгуешь? – Пузан произнес эту фразу с таким же перекошенным рылом, каким оно сделалось, когда он вливал в себя водку. – Ломаешься, сучка городская? Но я тебя эту колбасу сожрать заставлю! Научу деревню уважать! На! На! На!..

Он уже держал Анжелу за волосы и тыкал огрызок в ее сжатые губы, размазывая жир по всему лицу. Ошеломленная жертва не сопротивлялась, только повизгивала негодуя, и это возбуждало пузана сильнее, чем ее нагота.

Можно было вызвать по телефону отряд быстрого реагирования, состоящий из неразговорчивых парней с бойцовскими задатками, которые умели и любили превращать раздухарившихся клиентов в вежливых паинек. Да, можно было. Даже нужно. Но Элька вдруг потеряла способность рассуждать рационально. Здравый смысл утонул в темной ярости, захлестнувшей ее всю без остатка.

Первое, что попало ей на глаза, когда она отвела взгляд от жалкого, перепачканного лица подруги, это нож, которым пузан кромсал колбасу. Прозрачная рукоятка с вплавленными розочками сама собой оказалась в Элькином кулаке, а узкое острое лезвие мягко вонзилось в жирный бок владельца, спружинив на подвернувшемся ребре. Только слой сала и удалось проткнуть с непривычки, даже крови выступило всего несколько тягучих капель.

– Ты что? – опешил пузан. – Меня? Ножом? Ах, ты...

Лоснящаяся от колбасного жира лапища протянулась вперед и сграбастала Эльку сразу за обе скулы. Ее щеки и губы некрасиво собрались воедино. Представив себя со стороны, беспомощную, жалкую, униженную, она вскрикнула от негодования и, теряя полотенце вместе с последними остатками самообладания, пырнула обидчика вторично, вскользь задев кожу на его проворно втянувшемся брюхе.

Лапища никуда не делась, только усилила хватку. Ей на помощь поспешила вторая, с обидной легкостью обезоружившая Эльку.

– Ну, тварь, – прозвучал многообещающий голос над самым ее ухом. – Сейчас ты у меня попляшешь! Сейчас я тебе задницу на свастику порву и... Ай!

Причину прозвучавшего возгласа Элька поняла не сразу, но когда липкая ладонь исчезла, открывая доступ воздуху и освобождая кругозор, она увидела прямо перед собой озадаченную харю противника, совершенно мокрую от стекающей с головы воды. Струи постепенно меняли цвет – от прозрачного до розового, потом вдруг окрасились в ярко-алое. «Кровь, – догадалась Элька. – Но откуда? Я же целилась ему в живот!»

Потом в поле зрения сфокусировалась Анжела, стоящая над тяжело поникшим пузаном. В правой руке она сжимала горлышко разбитого вдребезги казенного графина. Голая, растрепанная, с перепачканным лицом, она часто дышала, очень напоминая ведьму, только что завершившую какую-то дикую обрядовую пляску.

– Уби-и-ила, – протяжно пожаловался Эльке пузан, и голос его вполне можно было принять за бабский.

Он поднес руку к слипшимся волосам, пошарил там и, морщась от боли, извлек стеклянный осколок, такой же окровавленный, как и вся голова. Тупо посмотрев на осколок, пузан вдруг рухнул лицом вниз, едва не опрокинув стол со снедью и посудой.

– Вот так, – растерянно прокомментировала Анжела, помолчала немного и присовокупила: – Называется – погуляли.

Поверженный ею половой гигант согласно всхлипнул.

– Надо добавить, – деловито сказала Элька. – Сейчас очнется, голосить начнет, всю гостиницу на уши поставит.

Анжела машинально посмотрела на остатки графина в своей руке и поспешно разжала пальцы, точно дохлую мышь там обнаружила:

– Я... я не могу...

– Чего я не переносу – так это когда целок из себя начинают строить! – В подтверждение сказанному Элька с чувством выругалась и принялась натягивать на босые ноги высокие ботинки, не утруждая себя их шнуровкой.

– Ты что, бросаешь меня? – испугалась Анжела. Она все еще не могла сдвинуться с места и мелко дрожала, как партизанка, которую вывели голышом на мороз.

– Ага, убегаю, – язвительно произнесла Элька. – Именно в таком виде. Чтобы лишнего внимания к себе не привлекать. Обычная нудистка из средней полосы России. Морозоустойчивая, водонепроницаемая, противоударная.

– Тогда зачем обуваяешься?

– Осколки под ногами, подружка. Гляди, сама не наступи.

Хрустя стеклами, Элька приблизилась к незадачливому клиенту. Он по-прежнему всхлипывал и постанывал, но на большее его пока не хватало. Под его поникшей головой собралась целая лужа крови, которую не могла впитать расстеленная газета. В луже медленно раскисали куски белого батона и высились колбасные островки. Красные капли беззвучно падали со стола на вытоптанный коврик у кровати.

Еще не веря, что это делает она, а не кто-то посторонний, не имеющий к ней никакого отношения, Элька обмотала влажным полотенцем водочную бутылку и занесла ее над головой бесчувственного пузана.

– Сдохнет ведь, – плаксиво предупредила Анжела, отступая подальше.

– Туда ему и дорога, – мрачно сказала Элька. – Хоть бы все передохли, долбари поганые.

– А милиция?

– Если дело до ментовки дойдет, то нам все равно кранты, подружка. Навесят разбойное нападение. Групповуха, между прочим. Мало не покажется.

– Но...

– А! – отчаянно воскликнула Элька. – Заходи – не бойся, выходи – не плачь!

Еще не отзвучал до конца этот бесшабашный лозунг, как импровизированное оружие обрушилось на череп ценителя свиней и женщин. Тумп! Он дернулся, как от электрического шока, и застыл в уже полной немоте и неподвижности.

– Убила? – пролепетала Анжела, в ужасе закрывая половину лица сжатыми в кулачки руками. Ее глаза над побелевшими костяшками пальцев расширились, и она тоненько пискнула: – Ой, мамочки!

– Заткнись, – сердито сказала Элька. – Дышит он. Пыхтит, как бронепоезд на запасном пути. Чего ему сделается? Не голова, а сплошная кость. Единственная извилина на заднице.

– Что теперь делать? Что делать?

– Папаня у тебя, случаем, не Чернышевский? – осведомилась Элька.

– Нет, – призналась Анжела с несколько удрученным видом. – А кто такой Чернышевский? Знакомая фамилия...

– Демократ один богатенький, типа Собчака. Тоже не знал, что ему делать, страдал без конца, маялся.

– Ты, можно подумать, знаешь!

– Я-то знаю, – заверила подругу Элька. – Собираться надо и сматываться... Газету, по которой хряк нашу контору вызволил, – в унитаз... Номер телефона он вряд ли запомнил, там их до хрена и больше. Если, когда очухается, вдруг начнет права качать, то кто ему поверит, пьянующему? А денег, чтобы ментов подмазать, мы ему не оставим... – Элька брезгливо извлекла из кармана мужских шаровар бумажник, ознакомилась с содержимым и подытожила: – Двадцать тысяч рубчиков с копейками. Делим пополам. Все. Одевайся, подружка. А то отсвеживаешь своей кукушечкой, как стриптизерша какая-то.

– А ты? – обиделась Анжела.

– Я уже нет, – усмехнулась Элька, натягивая трусики.

Собирались они суетливо, но довольно четко и осмысленно. Наспех протерли салфетками стаканы, нож, отбитое горлышко графина. Кое-как личики расцветили, чтобы не пугать встречающих смертельной бледностью. А потом Элька набрала номер диспетчерши, откликнувшейся таким сладким голосом, что никто не заподозрил бы в ней одноглазую уродину с гнилыми зубами.

– Заявочку в гостинице «Дружба» отработали, – бодро отрапортовала Элька. – Клиент отдыхает.

– Больше ничего не желает? – игриво прожурчало в телефонной трубке.

– Нет, – чистосердечно ответила Элька. – Теперь ему не до девочек.

– Задали мужчинке жару?... Ху-ху-ху... Еще бы, две такие темпераментные барышни...

– Ага, – согласилась Элька. – Он нас не скоро забудет.

– Есть желание поработать еще?

– Прямо изнываю от такого желания. Заранее таю.

– Да? – изумилась диспетчерша, лишенная не только глаза, но и чувства юмора. – Тогда диктую следующий адрес...

Это было настоящее везение, просто невероятная удача. Очередной заказчик жаждал любви и ласки прямо сейчас и до шести часов утра, наверное, чтобы потом успеть выспаться в одиночестве. Элька тут же вызвалась в бой, не собираясь уступать очередь Анжеле. Теперь ей было где провести ночь, вместо того, чтобы шляться по вокзалу, привлекая к себе ненужное внимание. Да и гонорар, которым Элька уже ни с кем не собиралась делиться, был совсем нелишним.

– Готова? – спросила она у Анжелы.

– Как пионерка.

– Тогда вперед. Глаза от людей не прячь, сама от них не шарахайся. Внушай себе, что все хорошо, все нормально.

– Нормально? – усомнилась Анжела.

– Конечно. При голове на плечах? При матке целой? При бабках? Какого хрена еще от жизни надо!

Подталкивая напарницу к двери, Элька нисколько не сомневалась в том, что перечислила все главные запросы стандартной проститутки. Но, как бы она ни вралась себе и другим, этого было мало, ничтожно мало.

Если бы не Антошка, терпеливо ожидающий Эльку во мраке, сгустившемся вокруг него, она вряд ли сумела бы заставить себя прожить хотя бы еще один день этой паскудной блядской жизни.

Глава 3

Бьют – беги, а стреляют – тем более

Занималось утро того самого дня, когда коммерсант Костя Филиппок еще в глаза не видел чемоданчика, начиненного долларами, и понятия не имел, какой одуряющий запах может издавать такая куча денег. Он еще напевал и пересматривался со своим зеркальным отражением, намыленным для самого тщательного в его жизни бритья.

Девушка по вызову с несерьезным именем Элька пересчитывала украденные у бандита деньги и взвешивала на ладони его золотые побрякушки, пытаясь определить их стоимость. Потом добыча отправилась в тайник за подкладкой сумочки, и все равно самой ценной вещью для Эльки оставался хранившийся там портрет еще совсем маленького Антошки. Новых фотографий повзрослевшего сынишки она не делала, чтобы не вспоминать лишний раз о его обезображенной мордашке и слепоте. Чмокнув снимок, Элька принялась нервно красить правый глаз, собираясь на вокзал со своим нехитрым скарбом. Из радиоприемника звучала бодрящая, как старое выдержанное вино, песня «Бони-М» про билет в один конец.

Пока Костя и Элька готовились таким образом к важным переменам в своей жизни, в Курганске цвел (здоровым румянцем) и пах (ядренным молодым потом) еще один герой этой истории, переводящий дух под новехонькой штангой. Когда он не напрягался, лицо его сияло доверчивой открытостью форточки, в которую еще не забирался домушник. Душа его тоже была нараспашку, а потому натура представлялась простой и незатейливой, как грабли, пока на них не наступят.

Звали парня Петром, и был он светловолос или белобрыс – это в зависимости от точки зрения наблюдателя. Зато ширина его плеч не допускала двух разных мнений – они были такими же внушительными, как у скульптурного атлета, и на ощупь казались не менее твердокаменными. Хоть сейчас на постамент в парк культуры и отдыха. Только вместо фигового листка лучше бы прикрепить лопушок средних размеров, чтобы не смущать понапрасну гуляющих.

Плечистый Петр неподвижно лежал на холодном полу, считая до шестидесяти, а потом опять принялся методично отжимать штангу, поскольку стремился поддерживать форму и наращивать мышечную массу. Ведь не за красивые глаза шеф держал его и охранником офиса, и личным телохранителем, ну, и денщиком по совместительству, хотя Петр предпочел бы называться, скажем, адъютантом, если бы знал это звучное словцо.

Для деревенского парня, с горем пополам закончившего ПТУ и считавшего своим величайшим достижением в жизни армейское звание гвардии сержанта, охрана сухонького тела немолодого коммерсанта по фамилии Лехман представлялась работой, о которой можно только мечтать. «Не бей лежачего», – вот как высказывался по этому поводу Петин батя, не скрывая своего презрения к столь несерьезному занятию. Но ничего лучшего он сыну предложить не мог, а потому с поучениями не лез, угрюмо отмалчивался.

Без Петиных заработков его родителям и старшей сестре приходилось бы совсем худо, особенно матушке, страдающей тяжелой формой сахарного диабета. Получалось, что в периоды обострений болезни Петр только и работал на инсулин, а когда у матушки наступало облегчение, трудности возникали у сестры, в одиночку растившей двух детей в далеком городе Новороссийске.

Лехман был единственным Петиним благодетелем, и они оба отлично это понимали. Несколько раз шеф устраивал охраннику разного рода проверки, и ни разу тот не дал повода усомниться в своей преданности. Петра можно было со спокойной душой оставить у незапер-

того сейфа, а утром даже не пересчитывать доверенные ему ценности (Лехман, конечно, ревизию потом проводил, но скорее по привычке).

Убедившись в том, что новый охранник обладает столь редкими по нынешним временам качествами, как порядочность и честность, Лехман стал выплачивать ему очень даже неплохую зарплату, причем исправно и в срок, что в общем-то было для него нехарактерно.

Петр просто обалдел от счастья, когда несколько дней назад в его распоряжение была предоставлена также однокомнатная квартира. Это позволило съехать наконец от вреднящей тетки с ее шумным семейством и зажить на свой лад.

Обзаведясь индивидуальной жилплощадью, Петр первым делом повесил на стену здоровенный плакат с изображением девушки своей мечты – невыносимо прекрасной кареглазой блондинки в открытом белом купальнике. Такую он мечтал встретить однажды, и при одной мысли о том, что может произойти дальше, у Петра начиналось томительное мление в груди.

По вечерам, оставаясь с незнакомкой один на один, Петр, немного стесняясь самого себя, беседовал с ней о разных пустяках, и иногда ему казалось, что она его слышит и даже едва заметно подмигивает время от времени.

Рассказывать о себе было в общем-то нечего. Дни Петра проходили довольно однообразно, монотонно, без всяких приключений. Если не считать всякую пьяную шваль на улицах, тихого, вежливого Лехмана никто особо не донимал. Никаких неожиданностей типа гонок с преследованиями или шумных перестрелок в размеренных трудовых буднях шефа не происходило и не предвиделось. С одной стороны, Петра это не слишком воодушевляло, но зато с другой – никак не огорчало, поэтому он просто плыл по течению, жил как бог на душу положит и ждал девушку своей мечты. Между делом он исправно чистил морды хулиганам, прокладывал Лехману дорогу в толпе или, наоборот, таскал за ним всякие тяжести, и иногда Петру казалось, что прожить так ему суждено до конца дней, если не своих, то лехманских.

Однажды ему случилось вычитать где-то, что его ратная должность называется «бодигард», и Петр заучил слово, показавшееся ему строгим и очень мужественным. Рослый, аккуратный, подтянутый, он даже в дешевом костюмчике старался выглядеть браво, поэтому оставливался у каждого зеркала, позволявшего полюбоваться собой в полный рост. Шеф, по его глубокому убеждению, совершенно напрасно одевался так затрапезно, что порой даже неловко становилось за него в приличном ресторанном обществе. Ни тебе атласных галстуков, ни бриллиантовых запонок, ни часов золотых. Совок совком, если посмотреть со стороны.

Ко всему прочему, правая рука шефа двигалась так плохо, что больше походила на протез. Лехман говорил, что это у него такая болезнь суставов, называется по...ли...ар...тит. С натугой вспомнив заковыристое словечко, которое даже в мозгу умещалось по слогам, Петр привычно удивился тому, что шеф никак не желает раскошелиться на лечение. Конечно, выглядел он не очень представительно, но во внутреннем кармане лехманского клетчатого пиджачки деньги никогда не переводились, а его желтая «шестерка» постоянно вылизывалась и драилась в автосервисах. При всем своем уважении к шефу Петр мысленно корил его за излишнюю прижимистость.

Имелся у того, по Петинуму разумению, еще один крупный недостаток: необъяснимая тяга к перемене мест. Только обзаведется Лехман новым офисом, только к нему потянутся новые клиенты, как – хлоп! – очередной переезд со сменой вывески и телефонных номеров. Потому-то и не было у Петино шефа постоянных партнеров, настоящего размаха и деловой солидности.

Петр построил бы собственный бизнес совсем иначе, дай ему волю (и денег, побольше денег). Первым делом он определил бы всех своих близких и дальних родичей на самые шикарные заморские курорты под пальмы, да и себя бы не обидел. Одних секретарш нанял бы штук пять, а самую фигуристую, с ногами от ушей, назначил бы своим личным референдумом («кажется, так это звучит?» – подумал он с некоторым сомнением).

В этот момент его блуждающий взгляд остановился на плакате с блондинкой, и Петр, продолжая энергично работать со штангой, заподозрил, что ей не очень понравится, если кто-то рядом начнет выписывать кренделя ногами более длинными, чем у нее самой. Ладно, мысленно согласился Петр, обойдусь одной секретаршей, немолодой даже. Но уж непременно какой-нибудь «Линкольн» под зад – без этого и коммерсовать по-крупному как-то неловко. Плюс кабинет с баром и золотыми рыбками в маленьком бассейне, как в кино показывают. Плюс...

Перечислять свои запросы Петр мог бы до бесконечности, но зарядка подошла к концу, водные процедуры – тоже, так что наступило время завтрака, а во время еды он думал только о том, какой кусок отправить в рот, чем его сдобрить, чем запить и стоит ли взять добавку. Потом и вовсе стало не до мечтаний, потому что пришлось ехать в троллейбусе за Лехманом, потом вместе с ним, уже на машине, за секретаршей Юлечкой, потом всем маленьким коллективом – в офис.

Всю дорогу Лехман делал Петру, севшему за руль, мелкие замечания: то за чесночный запах изо рта, то за нестриженные ногти, то вообще придирался просто так, например, поучая, что приличный молодой человек не должен произносить в присутствии дамы такие слова, как «сраная», даже если погода действительно выдалась не ахти. Во время редких пауз шефа включалась Юлечка, которая почему-то прихватила с собой объемистую дорожную сумку и приставала к шефу с глупыми жалобами насчет своего устаревшего купальника, в котором стыдно показаться на Лазурном берегу.

– Разве вы в отпуск собираетесь? – удивился Петр. – Зима же на носу.

– Какой еще отпуск! – сердито проскрипел Лехман, нервно барабанив здоровой рукой по поверхности серого чемоданчика, который не пожелал ставить в багажник, а держал на коленях. – У меня сегодня деловые переговоры в Москве, мы с Юлей вылетаем в 12. 45...

– А я? – спросил обиженно Петр.

– Ты остаешься за главного, Петя. – Лехман поощрительно улыбнулся. – Не робей, завтра я уже буду на месте... А ты, Юля... – он повернулся назад, чтобы закончить мысль посуровевшим тоном: — ...не морочь парню голову своими неуместными фантазиями. Купальники какие-то придумала! О работе нужно думать, о работе!

Она насмешливо фыркнула:

– Как скажете, Михаил Иосифович. Слушаюсь и повинуюсь.

Петр собрал кожу на лбу в гармошку. Для него не было секретом, что секретарша уже несколько раз переспала с шефом, но напрасно тот позволяет ей разговаривать с собой таким вызывающим тоном. Женщина должна знать свое место, а если ей его не указать, начинает безмерно наглеть.

Лично он, Петр, тоже мимоходом поймел Юлечку, после чего у нее глаза целую неделю находились навывкате и были по-коровьи мечтательными, с поволокой. Но вот с ним она почему-то соблюдала дистанцию и со всякими лазурными берегами к нему не приставала.

В подвал спускались гуськом, первым шел Петр, поскольку заржавевший замок двери поддавался далеко не каждому. Ночной дождь оставил у входа изрядную лужу, и если бы не кирпичи, предусмотрительно уложенные посреди нее, черпать бы всем троим воду туфлями.

– Через полчаса ко мне явится директор фирмы «Бриз», пропустишь, – распорядился Лехман, прежде чем скрыться с оживленно кудахчущей Юлечкой в своем кабинете.

Она, когда туда заходит, наверное, сразу ложится на стол и раздевается, подумал Петр. Нет, сначала все-таки раздевается, иначе не сподручно. Представив себе, какие неудобства терпит из-за секретарши старенький шеф со своей почти негнувшейся рукой, Петр неодобрительно вздохнул и стал прохаживаться по длинному коридору, жалея, что забыл купить сборник анекдотов или журнал с веселыми эротическими картинками. В приличных фирмах, где ему порой приходилось бывать с Лехманом по долгу службы, охранники на входе смотрели

телевизор, но от шефа глупо было ждать подобной щедрости. И это было лишним поводом снова мысленно укорить его за скупость.

Немного развлек Петра визит полноватого директора «Бриза», с которым удалось перекинуться парой фраз. Выходя из подвала, он помахал Петру ручкой и наградил его приветливой улыбкой. Пустяк, а приятно.

Лехман, возникший в коридоре вскоре после того, как посетитель удалился, напротив, выглядел озабоченным и почему-то до крайности взвинченным.

– Сейчас выезжаем в аэропорт, – предупредил он. – Помоги Юле донести вещи.

– Так рано в аэропорт? – изумился Петр. – Больше двух часов до вылета.

– Это хорошо, что ты ориентируешься во времени, – процедил Лехман, еле сдерживаясь, чтобы не сорваться на крик. – Но я нанимал тебя не для этого.

Юлечка, выглянувшая из-за плеча шефа, обидно захихикала, подпортив Петино настроение еще сильнее. Помада вокруг губ, как всегда, размазана, рожица самодовольная, как у гульнувшей мартовской кошки. Тьфу, смотреть противно! Насупив светлые брови, Петр решил про себя, что в следующий раз, когда нахальная секретарша вздумает потереться о него задом, ей ничего не обломится.

После того как все расселись по своим местам и «шестерка» тронулась с места, с шипением рассекая дождевую воду, скопившуюся во дворе, Лехман выглядел уже вполне добродушным и довольным жизнью. Серый чемоданчик снова покоился у него на коленях.

– Ты, Петя, – говорил Лехман, посасывая белую сигаретку, – как проводишь нас, машину оставь на платной стоянке, я тебе денег дам, чтобы уплатил за два месяца вперед.

– Два месяца? – озадачился Петр. – Но вы же сказали, что завтра вернетесь...

– Предусмотрительность – вот отличительная черта настоящего бизнесмена, – наставительно сказал шеф. – Лучше перестраховаться, чем недостраховаться. Семь раз отмерь, один раз отрежь. Что посеешь, то и пожнешь, а что припасешь, то и пососешь... Ну, ты у меня парень сообразительный, должен понимать, что к чему.

Пришлось Петру сделать вид, что он действительно понимает туманные речи шефа. Того порой заносило, и тогда, чтобы не выводить его из себя, следовало посильнее оттопыривать нижнюю губу, кивать с умным видом да помалкивать. С таким проникновенным выражением лица Петр и гнал машину по городу, внюхиваясь в едва уловимый аромат шампанского, витавший в салоне, и слушая продолжение инструкций:

– Если вдруг по какой-то причине мы с Юлей в Москве задержимся, ты попусту в офисе не отирайся, по домам нас тоже не ищи. Просто сиди и жди. Я сам тебя найду.

Петр снова глубокомысленно кивнул, но потом спохватился и напомнил:

– Вы зарплату за прошлый месяц обещали, Михаил Иосифович. Матушка пишет, лекарства у нее уже почти на исходе. И потом это... с продуктами у меня уже туговато.

– Денег пока нет, – поскущел Лехман, выбив пальцами раздраженную дробь из своего чемоданчика. – А насчет продуктов... – Он обернулся назад и спросил у секретарши: – Юлечка, ты тормозок в дорогу случайно не прихватила?

– А как же? – удивилась она. – Бутерброды, помидорчики, рыбка копченая, куриных сосисок целая упаковка. Еще бабка испекла...

– Вы просто умницы, ты и твоя бабушка, – перебил ее Лехман. – Не дали Пете помереть от голода. Отдай ему свои запасы, Юлечка, а я уж как-нибудь тебя прокормлю. – Он хохотнул.

Из ассортимента предложенного секретаршей, Петр выбрал только сосиски, и теперь они перекочевали во внутренний карман куртки, но душу грели не так сильно, как это смогли бы сделать денежные купюры. Испытывая сильное желание все же отстоять свои интересы, Петр открыл рот и даже успел произнести протестующее:

– Но...

– Никаких «но», – холодно отрезал шеф. – На войне как на войне.

– Мы в Чечне, что ли?

– Хуже, Петя, много хуже. Ты однажды и сам поймешь. – Лехман тихонько засмеялся.

По звучанию это напоминало шипение проколотой камеры.

Юлино подхихикивание отлично подошло бы для озвучивания маленькой бабы-яги. Даже Петр зачем-то коротко ухнул филином за компанию, хотя не понял лехманского юмора.

За этим весельем и не заметили, как выехали на загородную трассу, ведущую в аэропорт. Двухсторонняя, покрытая ровнехоньким асфальтом, она оставалась тем не менее малооживленной, поскольку в последние годы самолеты из Курганска летали редко и нерегулярно. Не хватало техники, топлива, а главное, в городе образовался дефицит пассажиров, способных расщедриться на комфортное путешествие. Если не считать чартерных рейсов в Китай и Турцию, то Москва превратилась в единственный пункт назначения, куда можно было перенестись из Курганска по воздуху без ведьминого помела.

На этой пустынной дороге у Лехмана внезапно изменилось настроение, он сделался угрюмым и замкнутым. Петр заметил, что он, не отрываясь, смотрит в зеркальце заднего обзора и, полюбопытствовав тоже, обнаружил там мелькающее отражение бежевой «Волги», пристроившейся метрах в двухстах.

– Стрелять умеешь, Петя? – ни с того ни с сего спросил Лехман.

– Это смотря из чего, – озадаченно ответил он. – В армии карабин приходилось в руках держать, конечно. Пару раз даже автоматы выдавали. Настоящие. А еще гранаты. Ну, это когда дивизионные учения проходили и к нам с проверкой прибыл сам начальник штаба по фамилии...

– Сохрани свои воспоминания для военных мемуаров, – поморщился Лехман. – Вот пистолет, видишь? – Он действительно продемонстрировал плоскую никелированную штуковину, подозрительно смахивающую на детский пугач. – Поднимаешь флажок предохранителя... вот так... и нажимаешь на спусковой крючок. Больше от тебя ничего не требуется. Понял?

– Нет, – честно признался Петр. – Зачем мне нажимать на спусковой крючок?

– А затем, что ты у меня охранником числишься, голова садовая! – осерчал Лехман. – Знаешь, сколько у меня завистников и недоброжелателей? Про конкуренцию слышать приходилось, надеюсь?

– Приходилось. – Петр согласно кивнул головой, которую вовсе не считал садовой. – Это когда бизнесмены друг друга шмаляют без конца, да? В «Дорожном патруле» их чуть ли не каждый день показывают, убитых. Я вот чем давно интересуюсь, Михаил Иосифович... Зачем менты с них штаны обязательно стаскивают? Деньги ищут?

– Штаны стаскивают? С убитых?

Лехман машинально полез поправлять брючный ремень. В отместку за «садовую голову» Петр уже собирался огоршить его еще одним каверзным вопросом, но тут в мужской разговор вмешалась Юлечка.

– Ой, – пискнула она за спинами мужчин. – За нами бандиты гонятся, что ли?

– Типун тебе на язык! – завопил Лехман с плаксивой интонацией. Потом, взяв себя в руки, обратился к Петру уже почти ровным голосом: – Про штаны мы с тобой потом побеседуем, в другой обстановке. А сейчас держи пистолет. По моей команде остановишься. Если, не дай бог, «Волга» затормозит тоже, выскакивай из машины и стреляй. Я пересяду за руль, развернусь и тебя подберу.

– Ой-ей-ей! – запричитала Юлечка в убыстренном темпе. – Да что же это происходит?!

– В кого стрелять-то? – тоскливо спросил Петр, помаленьку утапливая педаль тормоза, хотя поучаствовать в происходящем напрашивалась как раз соседняя нога, порывающаяся поддать газу.

– Стреляй во всех, кого увидишь, – безжалостно проинструктировал его Лехман, перегнувшись через спинку сиденья, чтобы лучше видеть приближающуюся «Волгу». – Стоп!.. Приготовься!

Петр подчинился и весь подобрался, холодея от скверного предчувствия. Про себя он сразу решил, что станет палить мимо, дабы не брать грех на душу, но это совсем не означало, что возможные противники тоже будут целиться поверх его головы. Нет, ничего хорошего он от этого приключения не ждал. Тем более что на километровом столбике перед его глазами маячило число «13».

– Я сейчас уписаюсь! – завизжала Юлечка, когда до бежевой «Волги» осталось несколько десятков метров. – У меня мочеточники застужены после ваших подвалов!

– Терпи, дура! – рявкнул Петр, которому подтирать лужи за секретаршей хотелось еще меньше, чем участвовать во взаправдашней перестрелке.

В этот момент – вж-ж-и-хххх! – «Волга», не сбавляя скорости, пронеслась мимо. Петр успел заметить за рулем ее единственного пассажира и скорчился от неожиданного приступа смеха:

– Вот ошалел бы мужик, если бы я на дорогу выскочил и начал... начал... Ха-ха-ха! – не в силах договорить фразу до конца, он просто показал пальцем, как нажимает на воображаемый спусковой крючок.

Настоящий пистолет, который, слава тебе, господи, не пригодился, мирно лежал на его сдвинутых коленях.

– Осторожность никогда не помешает, – назидательно произнес заметно приободрившийся Лехман. – А ты молодец, Петя, хорошо держался. По возвращении получишь премию, даю слово.

– Спасибо. Я же за вас в огонь и в воду, Михаил Иосифович, сами знаете. Помните, как позавчера на рынке три хачика к вам привязались? Я еще их мордами в селедку, в селедку! А того, который вас, Михаил Иосифович, этим... гм... пидором гнойным обозвал, я...

– Кому интересны эти идиотские подробности! – взвился Лехман, едва не ударившись головой о потолок салона. – Я же тебя уже просил: побереги героические эпизоды своей карьеры для потомков!

Пожав широкими плечами, Петр собрался было тронуть «жигуль» с места, когда Юлечка опять полезла со своими прохудившимися мочеточниками.

– Мне нужно сходить в кусты, – жеманно заявила она.

– Неужели нельзя потерпеть немного? – поморщился Лехман.

– Нельзя! – обиделась она. – Сами меня на дорожку шампанским угощали. А оно мочегонное.

Петр приспустил стекло и с чувством сплюнул на дорогу. Если бы не присутствие шефа, он обязательно посоветовал бы Юлечке не расставаться с горшком. Носить его на голове, чтобы он всегда был под рукой. От бесконечного склонения слова «моча» его и самого неудержимо тянуло отлить, но подключаться к Юлечкиному нытью он посчитал ниже своего достоинства. Стиснул зубы и стал глядеть прямо перед собой.

– Михаил Иосифович! – не унималась секретарша за его спиной.

– Ладно, иди, – смиростивился Лехман над ее страданиями после минутного раздумья. – Только скоренько, радость моя. Не застудись еще сильнее.

– Одна не пойду, – продолжала капризничать перебравшая шампанского Юлечка. – В посадках всегда маньяки. Еще бы просто насильовали, а то ведь убивают! Пусть меня Петя проводит.

Это предложение совсем не понравилось Лехману. Прикинув что-то в уме, он посмотрелся в зеркальце заднего обзора, скорбно вздохнул и заявил:

– Я сам тебя провожу. Подышу заодно свежим воздухом. А Петя покараулит в машине с пистолетом, да, Петя?

– Запросто, – откликнулся Петр.

Выбравшись на дорогу, Лехман зачем-то прихватил с собой свой чемоданчик, явно слишком увесистый и неудобный для того, чтобы без толку таскать его с собой по кустам.

– Ой, – пьяненько пропищала Юлечка, останавливаясь рядом с шефом. – Тут канава! Вы меня обязательно придерживайте, Михаил Иосифович. Если я упаду и испачкаюсь, то уже никуда не поеду.

«Вот же коза безмозглая! – выругался про себя Петр, прекрасно понимая затруднительное положение Лехмана, перетапывающегося на месте. – Шеф же в правой руке и карандаш-то с трудом удерживает, не то что тебя, кобыла! Левая чемоданчиком занята. Что он тебе протянуть может? Конец свой?»

Наверное, похожие мысли посетили и Лехмана, но ему не хотелось напоминать о своей немогице молоденькой любовнице, с которой они впервые собрались в дальние края. Вернувшись к машине, он решительно поставил чемоданчик на переднее сиденье и предупредил:

– Оставляю под твою ответственность, Петя. И умоляю тебя: не пытайся заглянуть внутрь. Замки с кодом, тебе их все равно не открыть. Кроме того, внутри ничего интереснее деловой документации нет.

– Михаил Иосифович! – обиделся Петр. – Вы мне в прошлом месяце сорок девять штук доверяли, забыли? А когда золотой песок я на пробу сдавал в лабораторию, то разве хоть крупинка пропала?

– Шучу, шучу. – В подтверждение своих слов Лехман растянул губы в улыбке. – Просто седи здесь и жди нас. Я на тебя надеюсь. Доверяю тебе, как себе самому, мой мальчик. – С этими словами он наклонился и проворно завладел ключом зажигания.

Когда шеф, галантно придерживая спутницу за локоток, стал форсировать придорожную канаву, оскальзываясь на глинистой почве гладкими подошвами, Петр здраво рассудил, что парочка проведет в отдаленных кустах никак не меньше пяти минут. Пока Юлечка высмотрит подходящее местечко, пока справится со своими теплыми одежками, которых на женщинах осенью, как на капусте – листьев...

С той же задачей Петр брался управиться в десять раз быстрее. Он едва дождался, пока его оставили в покое, и теперь его ничего не могло удержать на месте.

Юлечкина сумка покоилась в запертом багажнике, а в машине находились только два ценных предмета: хозяйский чемоданчик и пистолет, за сохранность которых Петр отвечал головой. Прихватив их, Петр выбрался из машины, бегом пересек совершенно пустынное шоссе и примостился за ближайшим деревом, намереваясь справиться нужду.

Так и застыл он, сжимая в одной руке увесистый кейс, а в другой – почти игрушечный пистолетик. Потому что подозрительная бежевая «Волга» возвращалась на всех парах из-за того самого поворота, где недавно скрылась из виду. «Не может быть! – сказал себе Петр. – Это просто совпадение такое».

«Волга» вопреки его ожиданиям не промчалась мимо, а, опасно накренясь, пересекла бесконечный газон, служащий разделительной полосой, и с яростным визгом затормозила возле брошенной на произвол судьбы «шестерки». Петр заметил Юлину голову, настороженно высунувшуюся поверх редкого кустарника, увидел шефа, сиганувшего в сторону придорожного леска, а потом его внимание приковал мужчина, выбравшийся из бежевой машины. В надвинутом до подбородка вязаном колпаке с прорезями для глаз, при самом настоящем автомате, он выглядел отъявленным головорезом, за действиями которых интересно наблюдать в кино, но никак не в реальной жизни.

Дадах! Да-да-да-дадах! Автомат, который налетчик картинно приложил к бедру, поднял такой тарарам, что со всех деревьев разом взмыли черные вороны, заглушая эхо выстрелов

своим возмущенным карканьем. Петру показалось, что по кустам и деревьям на противоположной стороне шоссе прошелся невидимый кнут, сшибающий тонкие ветки и лоскуты коры. Стегнул он и по спине улепетывающего шефа, ноги которого сразу заплелись и понесли его не прямо, а в сторону, на открытое пространство. Дадах! Дадах! Лехманская фигурка встрепенулась еще раз, прежде чем рухнуть ничком в жухлую траву.

– А-а-а-а! – это истошно заголосила Юлечка, припустившая через кусты вдоль дороги. Вопила она на всю округу, а вот бежала медленно и неуклюже, почему-то мелко-мелко семеня ногами.

«Не успела натянуть штаны и все остальное», – машинально отметил Петр, когда Юлечка показалась на прогалине во весь рост.

Короткая очередь переломила ее пополам, как хворостинку, и так же легко швырнула на ствол старой березы. Когда она съехала вниз, на белой коре дерева остались ярко-красные пятна, заметные даже с большого расстояния. Петру показалось, что он различает четыре параллельных росчерка, оставленных окровавленными пальцами Юлечки.

Кра! Кра! Кра! – надрывались вороны, усеявшие все небо над леском. Их беспорядочная стая напоминала хлопы сажи, летающие над пепелищем.

Внося дополнительное оживление в пейзаж, по дороге, один за другим, пронеслись два красных «Икаруса», волочащие за собой шлейфы дыма и облачка грязных брызг. Убийца, заранее сдернувший с головы маску и прикрывший опущенный автомат своим корпусом, коротко посмотрел им вслед.

«Теперь он застрелит меня», – с отчаянием подумал Петр, утративший всякую способность двигаться. В скорости реакции он смог бы состязаться разве что с паралитиком. Что-то внутри него перемякнуло, когда он увидел, как убивают людей. Он просто стоял истуканом и ждал, когда настанет его черед.

Его худшие опасения сбылись. Убийца, так буднично перечеркнувший две чужие жизни автоматными очередями, мельком заглянул в салон «шестерки», перешел к багажнику и вдруг поднял глаза на Петра, точно их примагнитило его неотрывным взглядом.

– Ты! – крикнул мужчина, маня Петра пальцем. – Брось пистолет и иди сюда! С чемоданом! – Когда он открывал рот, там поблескивали золотые коронки.

Неизвестно почему, но их хищное сверканье вывело Петра из столбняка. Приглушенно вскрикнув от избытка чувств, он вскинул пистолет, вспомнил лехманские наставления, сдвинул рычажок предохранителя и изо всех сил нажал пальцем на спусковой крючок.

Никаких результатов эти манипуляции не дали, даже сухого щелчка осечки не последовало.

– Затвор надо было передернуть, чудило, – насмешливо крикнул золотозубый, вскидывая автомат.

Петр, одна рука которого была занята чемоданчиком, сообразил, что ничего и никогда он уже передернуть не успеет, машинально попятился и... со всего размаху сел на старый автомобильный скат, подвернувшийся под ноги.

Самих выстрелов он почему-то не услышал, зато очень даже отчетливо ощутил, как волосы на макушке тронуло ветерком, вызванным очередью, которая вспорола воздух над головой. Соседнее дерево вздрогнуло, словно по нему ударили палкой. Прежде чем на Петра посыпались сухие листья, он уже был на ногах, понесших его прочь с невероятной скоростью. Ноги сами находили дорогу, обминая бугорки и впадины, и оставалось только уповать на то, что они не подведут, не подвернутся неожиданно и не зацепятся за хворост, густо устилающий землю.

Он бежал к спасительному леску, потому что даже тонкие ветви и голые стволы деревьев сулили хоть какое-то укрытие от вездесущих пуль. А они не замедлили ринуться вдогонку. Когда протарахтела новая очередь, Петру показалось, что вслед ему с яростью швырнули

жменю мелких камней, с шорохом врезавшихся в заросли как раз там, куда он намеревался вломиться с разбегу каким-то мгновением раньше. Но ноги мудро выбрали узкую просеку, и это спасло Петру жизнь.

Потом ноги приняли еще одно неожиданное решение: вынудили взвиться в воздух над кучей бурелома в таком высоком и затяжном прыжке, что у него перехватило дух. Пули крошили гнилые останки деревьев под Петиными ногами, а он все летел и летел вперед и приземлился лишь тогда, когда преследователь перестал жать на гашетку. А приземлившись, кубарем покатился вниз по возникшему впереди откосу, успевая увидеть то фрагмент неба с росчерками нависших ветвей, то клочок земли, поросший мертвой травой, и так до самого низа, где беглеца ожидало купание в холодной, но вовсе не родниковой водице, явственно пованивавшей канализацией.

Это была просто безымянная речушка в пару метров шириной, и, когда Петр вскочил на ноги, вода не доходила ему даже до колен. Пистолет куда-то запропастился при падении, а тяжелый чемоданчик по-прежнему оставался в Петиной руке, совершенно бесполезный и даже неуместный при беге по пересеченной местности. От него следовало избавиться, но так, чтобы при необходимости документы можно было найти. Зачем? Да потому что за доверенные вещи принято отвечать, даже если они чужие.

Понимая, что преследователь вот-вот выберется на открытое пространство и увидит его, Петр высмотрел среди камышей темную корягу и, широко размахнувшись, метнул в ее направлении свою ношу, надеясь, что при необходимости сумеет найти это место. Теперь, когда его руки освободились, он с удвоенным проворством начал выбираться из балки, карабкаясь вверх по ее крутому склону чуть ли не на четвереньках. Продолжай он волочить за собой чемоданчик, восхождение заняло бы не меньше пяти минут, которых Петру никто дарить не собирался.

Когда за спиной прозвучал короткий раздосадованный вопль и беспорядочный шум, Петр не удержался, чтобы не оглянуться через плечо. Преследователь, по-видимому, попытался повторить его прыжок, но менее удачно, потому что вниз он катился буквально через голову, то и дело сменяющуюся нелепо взбрыкивающими ногами. Удар об землю – короткий полет, и так многократно. Момент окончательного падения Петр дожидаться не стал, припустился дальше с прытью, которой позавидовал бы даже молодой лось. Он не удивился тому, что автоматчик не спешит с новой серией выстрелов. После стремительного падения у него самого до сих пор все плясало перед глазами, а целиться в таком состоянии можно было разве что в белый свет как в копеечку.

Собственное прерывистое дыхание – вот и все, что слышал Петр на протяжении нескольких последующих минут, точно внутри безостановочно полено перепиливали: хэх-хэх-хэх. Потом где-то далеко позади снова прозвучала автоматная очередь: а-та-та, но она уже казалась не страшной, не имеющей к нему никакого отношения. Преследователь явно потерял его из виду и теперь косил в бессильной злобе окружающие заросли.

– Ушел, – приговаривал Петр, выдыхая это короткое слово с неизъяснимой благодарностью судьбе. – Ушел... Ушел...

Петр не остановился, не замедлил бег и не перешел на шаг, когда выломился из лесопосадки на пахоту, хотя налипший на подошвы чернозем чрезвычайно утяжелял ноги и каждое движение стоило здесь удвоенных усилий. Он упал на землю только в очередной рощице, заметил рядом полусгнившие останки собаки, но не нашел в себе сил отползти от нее подальше.

«А ведь и я мог валяться вот так, всеми забытый и никому на хрен не нужный», – подумал Петр. Он понял, что ни в коем случае нельзя отсиживаться в сырой рощице, над которой неслись неопрятные клочья туч. Потому что пустая машина на дороге должна была рано или поздно привлечь внимание, а там и трупы обнаружат. И если милиция выставит на дорогах

кордоны, то ему, расхристанному и грязному, вряд ли удастся проскользнуть в Курганск незамеченным.

Кое-как отдышавшись и приведя себя в порядок, Петр двинулся в сторону шоссе, где намеревался поймать попутку или тормознуть первый попавшийся рейсовый автобус. Брошенная «шестерка» Лехмана для него попросту перестала существовать. Не приучен он был брать чужое без спросу. Батя с малых лет внушил ему нехитрое правило: «на чужой каравай рот не разевай», вот Петр отцовскому наставлению и следовал – губы, что называется, попусту не раскатывал, так что сон у него всегда был здоровый и крепкий, богатырский был сон.

Одним словом, не жаль было Петру вылизанных хозяйских «Жигулей» празднично-желтого цвета, а вот при мысли о нелепой смерти самого Лехмана делалось ему муторно. Ехал человек в Москву на важные переговоры, полный портфель умных документов с собой вез, ехал-ехал, да никуда не доехал. Кому теперь он нужен – холодный, неподвижный, одинокий? Спустят с него штаны, станут ворочать с боку на бок, щупать, воротя носы, как от несвежей свиной туши, а потом выгребут все из карманов да и отправят в морг на потеху пьяным санитарам.

– Эх, шеф, шеф, – приговаривал Петр, укоризненно качая головой на ходу. – Что ж вы так неосторожно, а? И ведь как в воду глядели, когда на бежевую «волжану» озирались. Подставила вас, шеф, ваша ссыкушка Юлечка. Хоть и ее жаль тоже, а все равно это ведь она, сучка такая, под монастырь вас подвела...

Так беседовал Петр с покойным Лехманом да с самим собой, а вот откровенничать на эту тему с посторонними не собирался, тем более с ментами. Им только подавай главного свидетеля, они враз из него подозреваемого слепят, тоже главного. Может, и зря грешил парень на людей в форме, да только почему ж тогда все вокруг придерживались точно такого же мнения? Произнеси на Руси громкое слово «правосудие», на тебя посмотрят, как будто ты неприличный звук издал, стыдно станет. Вот и спешил Петр от этого самого правосудия как черт от лада.

У него имелись неплохие шансы избежать дачи показаний. Права и доверенность на машину лежали в нагрудном кармане, кто докажет, что он присутствовал на месте преступления? К тому же прием на работу к Лехману был произведен неофициально, без заполнения договорных бланков, анкеты и трудовой книжки. Все это вселяло надежду, что следствие по факту двойного убийства не коснется Петра никоим образом. Оставалась, правда, квартира, в которую Лехман его запустил недавно, но опять же Петр в ней прописан не был, с соседями не общался, так что надеялся тихонько пересидеть в ней еще ночь, собрать нехитрое барахлишко да и махнуть в родную Еленовку, от греха подальше.

– В гробу видал я ваш бизнес! – сердито бурчал он, поддавая на ходу ногой пустую пластиковую бутылку. – Вот вам и конкуренция! Валят кого ни попадя, а ты отдувайся!

В таком философском, а значит, и в неизбежно мрачном настроении Петр поднялся в притормозивший автобус, устроился на заднее сиденье и стал смотреть в окно, на всякий случай выискивая взглядом грозную бежевую «Волгу».

Он уже знал, что, вернувшись на квартиру, ни за что не станет смотреть по телевизору вечерний боевик, как привык это делать. Потому что теперь никакой раскрутейший Сигал, никакой самый невозмутимый Лундгрэн не убедили бы его в том, что под пулями легко сохранять хладнокровие и героическую осанку.

– Херня все это, – прошептал Петр, пряча подбородок за поднятый воротник. – Какая же это все-таки херня!

Сам не подозревая того, он имел в виду не только кино, но и жизнь. А еще смерть, оказавшуюся такой же бессмысленной и глупой, как все предшествовавшее существование двух человечков, отправившихся значительно дальше, чем собирались за минуту до того, как их не стало.

Глава 4

Под колесом фортуны

Петр, чудом спасшийся от смерти, собирал по квартире свои манатки и пихал их в сумку, скорбя больше всего о том, что со штангой и гантелями придется расстаться.

Элька добиралась в такси к месту очередного заказа и если вспоминала недавнего клиента, то только для того, чтобы подивиться собственной лихости, с которой она орудовала ножом и бутылкой.

Костя нетерпеливо поглядывал на часы, попутно страдая из-за сгинувших миллионов так, словно они были его собственностью, и мысленно желал проклятому Лехману самой ужасной гибели, не зная, что она уже случилась.

Жил-был в городе Курганске еще один человек, у которого имелись свои собственные проблемы и неприятности, отступившие на время под натиском одной из сильнейших человеческих страстей – зверского аппетита.

Мелкие кусочки мяса еще трещали на сковороде и плевались во все стороны жиром, когда Роман, не в силах более терпеть пытку голодом, наколол один из них на вилку и отправил в жадно разинутый рот. Он прихватил мясо только зубами, оберегая губы, но язык все равно обжег и лишь после этого догадался залить пожар самым правильным на свете пивом «Бочкарев». После чего мечтательно закрыл глаза:

– М-м, кайф!

– Вкусно? – обрадовалась мать.

– Угум, – подтвердил Роман, приступая к следующему куску свинины и глотку холодного пива. – Нет слов, одни эмоции.

– А почему ты не переоделся? Опять куда-то собираешься? Вот и сегодня только под утро явился...

– Дела, – туманно пояснил Роман, безостановочно орудуя вилкой и стаканом. – Дела у меня, мама.

– Какие могут быть дела на ночь глядя? Твой отец был большим начальником, как ты знаешь. Но он всегда следовал одному очень важному принципу: никаких дел после конца рабочего дня. Если человек не успевает справиться со стоящими перед ними задачами за отведенное ему время, значит...

– ...он никудышный работник, – закончил Роман. – Ты мне это уже тысячу раз говорила и всегда одними и теми же словами. Как ведущий какого-то дебильного ток-шоу, честное слово! Зазубрила несколько расхожих фраз и бу-бу-бу, бу-бу-бу! Нельзя же так, мама! Нельзя всю жизнь молиться на отца и повторять его слова! Он давно умер, а его взгляды и убеждения сегодня не катят. Пора бы научиться жить сегодняшним днем. Здесь и сейчас – вот главный принцип. Любой дзен-буддист тебе скажет: прошлое сгинуло, будущее неизвестно, потому у человека есть только его настоящее. Как в той песне про миг между прошлым и будущим, понимаешь?

Мать согласно покивала неравномерно окрашенной головой и негромко подтвердила:

– Понимаю. Мудрые они люди, эти дзынь... дзень... в общем, буддисты твои. И принцип у них хороший, Ромочка, никто не спорит. Но здесь и сейчас у нас нет денег даже на хлеб и молоко. Последние пятьдесят рублей я истратила на свинину и пиво, как ты просил. Извини, конечно, что напоминаю, но ты обещал сегодня принести деньги. За квартиру два месяца не плачено, соседкам почти тысячу должна...

Деньги, деньги, деньги! Романа уже тошнило от этого слова. Свет на них клином сошелся, что ли? – угрюмо подумал он. И сам себе ответил: да, сошелся, еще как!

Все вокруг делали деньги или хотя бы мечтали об этом, рассчитывались ими, слюнявя купюры, или любовно складывали их стопочками, чтобы спрятать в застаканник подальше от посторонних глаз. И подавляющее большинство человеческих молитв, начинающихся с заискивающего: «Господи всемогущий, смилуйся над рабом своим грешным...», завершались классическим требованием прирожденных попрошайек: «Дай миллион, дай миллион, дай миллион!»

Бог никому ничего не давал, предоставляя заблудшим чадам выкручиваться самостоятельно. Это Роман давно понял, а потому переадресовал свои молибы бывшим товарищам и партнерам по бизнесу, которые в последнее время словно сговорились, отвечая на просьбы одолжить денег одной и той же заученной фразой: «Рехнулся, Ромка? Не знаешь, какая сейчас ситуевина?»

Эта самая ситуевина была у них у всех очень даже хреновая: одному не хватало денег на евроремонт, второй горел желанием сменить просто крутую тачку на самую крутую, третий мечтал свозить молодую жену на испанский курорт или одеть любовницу с ног до головы в парижских салонах. Роману, который когда-то опережал в коммерческом марафоне всю эту зажавшуюся братию, оставалось теперь лишь стоять в сторонке и завистливо наблюдать за ее стремительным продвижением к все новым и новым горизонтам. Отстал он, безнадежно отстал. А старт был таким многообещающим!

Свое дело Роман затеял два года назад, сразу после окончания университета. Из двух тысяч долларов, скопленных отцом за всю его беспорочную карьеру директора научно-исследовательского института, прерванную инфарктом миокарда, треть ушла на отмазку от армии, а остальное послужило пропуском в волшебный мир частного предпринимательства.

Начинал Роман с организации вывоза дерьма из платных сортиров и доставки продуктов питания на те же самые рынки, где это дерьмо исправно образовывалось и накапливалось. Такой уж получался замкнутый цикл. На этой щедро удобренной почве вырос первый капиталец, который Роман, вместо того чтобы бездумно растратить, решил приумножить.

Располагая пятнадцатью тысячами долларов, он столько же занял и вскоре превратился во владельца небольшой сети платных автостоянок, которые со временем мечтал оснастить мойками, ремонтными мастерскими и магазинчиками запчастей. Приятели, которые теперь шарахались от него как от прокаженного, в ту счастливую пору увивались вокруг, набиваясь в спонсоры и совладельцы. Роман предпочел продолжать бизнес самостоятельно. В одиночку и прогорел.

Все началось с рокового джипа «Чероки», загадочным образом испарившегося со стоянки. На Романа наехали с претензиями, требуя выплатить неустойку и недвусмысленно обещая лишить его в противном случае молодой жизни. При этом в блекло-голубых глазах владельца джипа таилась плохо скрываемая издевка, а окружающие его «заинтересованные лица» вообще были откровенно глумливыми. Романа попросту «развели», но так красиво и грамотно, что никакая крыша не могла уберечь его голову от нависшей угрозы.

Он заплатил за свой дилетантский подход к делу ровно 40 000 долларов. Это был полный крах, потому что пришлось не только распрощаться со всеми стоянками, но и залезть в долги, которые не убывали, а нарастали с каждым месяцем. Роман занимал деньги у одних людей, отдавал их другим, а потом писал новые расписки третьим, чтобы расплатиться с первыми. В глубине души он надеялся, что этот финансовый круговорот будет длиться до бесконечности, и для него стало огромным потрясением известие о том, что все его многочисленные расписки отныне сосредоточены в одних руках, пролитой крови на которых чуть ли не цистерна плюс маленькая канистра.

И состоялась встреча Романа с этим человеком, нагнавшим на него страху. И был на той встрече выставлен окончательный счет, не подлежащий пересмотру: 17 000 долларов. И сроку на погашение долга было отведено так мало, что хоть ложись да помирай. Так бы Роман и поступил, если бы не предупреждение, что смерть его ждет долгая и мучительная.

Возвратившись из бандитских застенков домой, Роман во время похода матери на базар изъясил все документы, касающиеся четырехкомнатной квартиры в центре, загородной дачи с участком и автомобиля «Жигули» седьмой модели. К этим бумагам прилагалась нотариально заверенная дарственная, выписанная матерью, и ее паспорт. Ошеломленная внезапной смертью мужа, она заблаговременно распорядилась имуществом так, чтобы у Романа в случае ее неожиданной кончины не было проблем со вступлением в права наследника. Этих проблем у него действительно не возникло, а смерти матери дожидаться было некогда.

С бумагами Роман отправился в фирму с обманчиво доброжелательной вывеской «Выдача ссуд под залог», где расторопные юристы к концу рабочего дня оформили все в лучшем виде. В шесть часов вечера того же дня на руки клиенту выдали второй экземпляр договора и девять с половиной тысяч долларов – просто слезы в сравнении с реальной стоимостью заложенного имущества. Да и то Роману удалось выторговать так много лишь потому, что он обязался возвратить заем в двухдневный срок.

Пятитысячная пачка, перехваченная для надежности двумя оранжевыми резинками, была немедленно вручена напугавшему Романа бандиту. «Пока гуляй, фраерок», – разрешил он, и Роман со всех ног бросился выполнять это напутствие.

Двести долларов были истрачены на более-менее приличный костюм модного покроя и красочную энциклопедию азартных игр объемом в дюжину мормонских библий. Листая страницы, Роман выбрал рулетку, где выигрыш зависел только от удачи («новичкам всегда везет»), а не от карточной колоды в блудливых руках крупье. Он штудировал книгу почти сутки, а вчера вечером, одетый с иголки, аккуратно постриженный, с лицом, озаренным надеждой, отправился в казино «Фортуна».

Хотя в кармане у Романа лежало ровно 4 300 долларов, швейцару, предусмотрительно распахнувшему перед ним двери, не обломилось на чай даже жалкого червонца. Роман явился в казино не тратить, а приумножать. Он дал себе зарок выйти оттуда с двадцатью пятью тысячами и твердо верил, что так оно и будет. Потому что больше не во что было верить, не на что уповать.

Поднимаясь по широкой мраморной лестнице наверх, Роман незаметно подмигивал всем своим зеркальным отражениям, убеждая себя в том, что он, такой красивый, нарядный и элегантный, достоин совершенно сказочной участи и начало этой волшебной сказке будет положено прямо сегодня. Здесь и сейчас.

У входа в игорный зал, где Роман немного замешкался, ему ободряюще улыбнулась девушка в бирюзовой униформе и, безошибочно опознав в посетителе новичка, вежливо обратилась к нему прокуреным контральто:

– Добрый вечер, мы рады видеть вас у себя... Что предпочитаете? Блэк-джек, баккара, рулетка?

– Пожалуй, я сыграл бы в рулетку, – ответил Роман, постаравшись создать себе имидж завсегдатая лас-вегасов с монте-карлами посредством нарочитого зевка.

– Как раз есть свободные места, – обрадовалась девушка так, словно еще недавно за право просадить деньги за игорным столом сражались толпы азартных посетителей. – Проходите, пожалуйста. Чипы можно приобрести в кассе слева от входа. Минимальная цена пять долларов за штуку, можно в рублевом эквиваленте.

– Разберусь как-нибудь без тебя, золотце, – холодно сказал Роман, проникая в зал. Его задело упоминание о самых дешевых фишках. Он не ожидал, что так быстро растеряет лоск и апломб, которые выделяли его в лучшие времена.

Прежде чем направиться к столу с вращающейся рулеткой, Роман решил ненадолго пришвартоваться возле стойки, чтобы придать себе немного градусов уверенности, а заодно свыкнуться с непривычной обстановкой. Им был выбран совершенно фантастический пятидесятидолларовый коктейль, состоящий из пяти различных напитков, и все они, не смешиваясь, плавали в бокале разноцветными полосами: белая, зеленая, голубая, оранжевая, бордовая. На последней, кстати, не самой крепкой, Роман поперхнулся и закашлялся, потому что опознал в соседке, непринужденно восседавшей рядом, не кого-нибудь, а известную столичную штучку Наташу Расстригину, которая вся была совершенно подлинная, от головы, увенчанной обязательным светлым париком, до выдающихся ног, обтянутых сверкающими колготами.

Даже если она действительно побывала голышом на Джомолунгме, как задорно пела в каком-то своем старом шлягере, без чулочков и накладных волос там все равно не обошлось, как заподозрил Роман. Он задумчиво тянул свой коктейль, слой за слоем, а глаза его никак не могли оторваться от обращенных к нему гладких коленок.

– Что уставился? – беззлобно спросила то ли очень усталая, то ли слегка хмельная дива. – Потрогать хочешь?

Роман заметил, что за спиной знаменитости маячат два молодых атлета в просторных костюмах, явно напрягшиеся в ожидании его реакции, и демонстративно выложил обе руки на барную стойку.

– Нет, – сказал он. – Просто удивился, когда вас увидел... здесь. Вы к нам с гастролями?

– Ага, – улыбнулась всенародно любимая Наташа, обозначив на лице две вечно молодые ямочки. – Капусту косить приехала. Любишь капустку, зайныка? По глазам вижу: ох как любишь! – Ее взгляд преисполнился непонятной грусти. – Но с тобой никто не поделится, не надейся. Так что хрмать будешь то, что сам урвешь, понял? Или хрен сосать, как мишка – лапу.

Ее грубоватое участие почему-то окрылило Романа.

– Уж я-то свой кусок урву, не сомневайся! – воскликнул он весело. – А потом тоже ни с кем делиться не стану: ни с тобой, ни с кем-нибудь другим.

С этими словами он соскочил с высокого табурета и решительно направился на жужжащий звук запущенного колеса Фортуны. Грубоватое напутствие длинноногой Наташи заставило его с особенной остротой ощутить всю важность этой ночи. Или грудь в «хрустах», или голова в кустах.

За расчерченным столом сидели несколько мужчин и тощая брюнетка, наряженная девочкой, хотя ей давно перевалило за тридцать. Игроки, обмениваясь короткими репликами, переставляли стопочки фишек по полю, а крупье с извиняющейся улыбкой подгребал их к себе специальной лопаткой после торжественного провозглашения выигравшего номера.

Участливое выражение, с которым крупье взирал на проигравших, скорее всего было скопировано с лица бывшего председателя Центробанка, разъяряющего бестолковым согражданам, как и почему их вклады в очередной раз прогорели.

Присмотрев себе местечко слева от лукавого распорядителя игры, Роман сходил к окошку кассы, оставил там все оставшиеся деньги и возвратился с пакетом, в котором находилось ровно 85 чипов стоимостью по 50 долларов каждый.

– Делайте ставки, господа, – оживился крупье, увидевший, что его полку прибыло. – Спасибо, – поблагодарил он Романа лично, когда тот поставил десяток кругляшей на «пассе» и столько же на дюжину номеров.

Шарик, запущенный в направлении, противоположном вращению диска, помчался по замкнутому кругу. Когда скорость начала замедляться и шарик принялся звонко пересчитыв-

вать лунки, попадающиеся ему по пути, у Романа нестерпимо засвербело в носу, и он плаксиво сморщился, приготовившись чихнуть.

– Номер девять, красное, – отчеканил крупье.

Лицо Романа мгновенно преобразилось, когда лопатка, ловко маневрируя по столу, подвинула к нему целую горку разноцветных фишек. «Вот и поперло, главное теперь – вовремя остановиться», – сказал он себе, чувствуя, как лицо обдало лихорадочным жаром.

Шарик отправлялся во все новые круизы, описывая виток за витком. Цифры на диске сливались в одну бесцветную полосу, но Роману казалось, что он различает их и способен взглядом заставить шарик остановиться на облюбованных номерах. И это срабатывало! Уже через час он был обладателем целой горы чипов, которые из суеверия не прятал в пакет. Соседи по столу смотрели на него, ошалелого, взъерошенного и потного, с той любопытной смесью черной ненависти и белой зависти, которая сопровождает в России каждое движение, каждый шаг тех, кого угораздило стать счастливыми. Роман не замечал этих взглядов. Не видел он в упор и посетителей казино, которые начали стекаться к рулетке, почуяв, что здесь идет игра по-крупному. Перед глазами Романа стояли лишь разноцветные цифры, только они были для него реальными, все остальное просто перестало существовать.

– Не могли бы вы... – он сглотнул слюну, прежде чем сипло закончить фразу, адресованную крупье: – Не могли бы вы подсчитать, сколько все это стоит. – Слегка дрожащий палец указал на груды фишек.

Крупье возвел глаза к потолку, брезгливо выпятил нижнюю губу и доложил после минутной финансовой медитации:

– Вы выиграли около тридцати тысяч долларов. Желаете обменять чипы на деньги? – Выражение его лица было угрюмым, как на похоронах, а свою лопатку он перехватил на манер саперной.

Он боится, что я сейчас встану и уйду с выигрышем, догадался Роман. Наверное, их тут как-то штрафуют за подобные проколы, поэтому парень мечтает, чтобы я остался и проигрался в пух и прах. Но это его личное дело, а моя задача – убраться немедленно с тридцатью штуками в кармане. Так подумал Роман. А вслух сказал совсем другое:

– Испытаю-ка я судьбу еще раз... Помогите мне сделать ставки. 10 тысяч на число двадцать три, десять – на красное и столько же на нечет... Да, именно так, спасибо. Оставшуюся мелочь можете забрать себе.

Крупье наградил его улыбкой, больше смахивающей на гримасу человека, у которого прихватило живот. Или руку – крокодилей пастью.

– Ставки сделаны, господа, – зловеще объявил он и, прежде чем запустить шарик, украдкой зыркнул на неугомонного везунчика, превратившегося в центр всеобщего внимания.

Роман обвел собравшихся тяжелым взглядом и вдруг понял, что все смотрят на него как на неизлечимо больного или смертельно пьяного человека, с которым вот-вот произойдет непоправимая беда. «Надо было ставить на восьмерку, – вдруг понял он, холодея от ужаса. Зачем я поставил на 23? Выигрывает 8!»

– Номер восемь, черное! – торжествующе выкрикнул крупье.

Роман смотрел на замершее колесо, на шарик, приткнувшийся рядышком с цифрой 23, и так могло продолжаться целую вечность, если бы перед его неживыми глазами не возник из ниоткуда красивый золоченый поднос с одиноким прощальным бокалом шампанского.

Он отстранил девушку с подносом и пошел на негнущихся ногах к выходу, сутулясь под тяжестью провожающих его взглядов, среди которых было больше насмешливых, чем соболезнующих. Потом он добирался домой пешком, а когда это механическое движение наконец завершилось, не сразу сообразил, что находится в своей квартире... в своей бывшей квартире, как услужливо подсказала память, которую хотелось сменить на полную амнезию.

Остаток ночи и почти весь день Роман проспал, хотя больше всего это состояние походило на глубокий обморок. А теперь он сидел за кухонным столом напротив матери, и в карманах его костюма не было ничего, кроме записной книжки, расчески, паспорта и ключей. «Кстати, ключи надо выложить, – подумал Роман. – Они мне больше не пригодятся».

Стало до слез жаль себя, а вот мать, как ни в чем не бывало тараторящая какой-то вздор, вызывала только глухое раздражение.

«Вещи ей наверняка разрешат забрать, – размышлял Роман, разглядывая плохо покрашенную седину в волосах матери. – У нее есть сестра в Ростове, значит, найдет куда прийтись. А я? Неужели придется бомжевать, рыться на помойках, ночевать в подвалах? Глупо надеяться, что мне простят двенадцать тысяч».

Вздыхнув, Роман посмотрел на часы и обнаружил, что до 18.00, когда истекал срок погашения займа, осталось несколько минут. В фирме, где Роман получил деньги, ему было сказано, что опоздание будет засчитано ему как поражение и новые владельцы не замедлят явиться по его бывшему адресу для вступления в права собственности. Сколько времени понадобится энергичным, физически развитым молодым людям на сборы? Да считанные минуты, ответил себе Роман. А от фирмы до его дома рукой подать. Пора было уходить. Абсолютно не хотелось присутствовать при неприятной сцене, которая станет для матери настоящим шоком. Бессмысленные вопросы, слезы, выяснения отношений... Нет, Роман не собирался участвовать в этой пошлой мелодраме.

Он встал и сказал с мягкой, чуточку смущенной улыбкой:

– Мне пора, мама.

– Какая хорошая у тебя улыбка! – воскликнула мать. Она тоже встала, приблизилась к сыну и провела ладонью по его гладко выбритой щеке. – Знаешь, когда ты улыбаешься, то становишься ужасно похожим на Жерара Филиппа, кумира моей молодости. Он играл в фильме «Фанфан-Тюльпан», может, тебе приходилось его видеть?

– Да, – ответил Роман, постепенно отступая в прихожую, чтобы дело не дошло до тягостных объятий. – Его недавно в цвете сделали, очень красиво. Но все это ностальгические бредни, мама. Надо жить здесь и сейчас, я же тебе говорил. Время сейчас совсем другое, жестокое время. Не до тюльпанов. – Последнее слово он выдавил с натугой, потому что нагнулся обувать ботинки.

– А я не верю! – воскликнула мать. – Конечно, люди озлоблены, многие из них проявляют свои худшие черты... Но ведь надо видеть и хорошее, сынок. Когда я гляжу на тебя, мое сердце радуется. Да, сейчас тебе трудно, но рано или поздно ты добьешься всего, чего пожелаешь, потому что...

– У нас добьешься! – скривился Роман. – Головой об стенку!

– Не надо сгущать краски. Смотри в будущее с оптимизмом.

Роман бросил взгляд на часы, невесело усмехнулся и потрепал мать по плечу:

– Я рад, что ты у меня оптимистка. Так легче жить. А мне, пессимисту и цинику, пора.

Чмокнув мать куда-то возле уха, он оставил ее одну, догадываясь, что уже никогда не сможет посмотреть ей в глаза.

Глава 5

Незванный гость хуже званого

Предварительное знакомство и осмотр Элькиных достопримечательностей заняли в общей сложности девять с половиной минут, пять из которых ушло на ее раздевание.

Она ужас как не любила эту процедуру, особенно когда попадался клиент с изучающими глазами холостого гинеколога, вернувшегося на рабочее место после длительного отпуска. В любовных романах такой взгляд называется «проникающим до глубины души». Мужчина, представившийся просто Костей, смотрел на Эльку именно так.

– Ну-с, приступим! – бодро воскликнул он, когда с формальностями было покончено, деловито установил Эльку в популярную позу уличной собачки и в два счета овладел ею сзади.

Живчик – так она его классифицировала. Вечный бодрячок, напористый, кипучий, но зато быстро остывающий. Такие во время долгих перерывов много балагурят и хвастаются. Не худший вариант. В сравнении с настырным свиноводом – суший ангел.

Воспоминание о случившемся в гостинице заставило Эльку поморщиться. Еще никогда в жизни не доводилось ей видеть так много крови сразу, и впечатление оказалось слишком ярким, чтобы его можно было загнать в самый дальний уголок сознания.

– Ты двигайся, – капризно потребовал просто Костя. – Я не куклу покупал.

Не куклу он покупал, видите ли! А кого? Рабыню? Наложницу? Так тех, наверное, кормят, прежде чем пользоваться. Элька упрямо склонила голову и продолжала неподвижно стоять на четвереньках, лишь покачиваясь в такт азартным толчкам сзади.

– Давай! – понукал ее расходившийся Костя, наращивая темп и слегка покряхтывая от усилий. – Давай, милая, шевелись!

Кобылу нашел! Элька неожиданно высвободилась, развернулась к нему лицом и задиристо толкнула в оба плеча, опрокинув на спину.

– Ты чего? – озадаченно спросил он, лупая своими блекло-голубыми глазами, напоминающими выцветшую джинсовую ткань.

– А вот чего...

С проворством ведьмы она оседлала Костю и изобразила на нем привычную ритмичную скачку, которая лично ее никогда никуда не приводила. И все же управлять раскормленным жеребцом было приятнее, чем самой изображать покорную лошадку. Он просил: давай? На! Поехали! Слегка откинувшись назад и запрокинув голову, чтобы не видеть, кто там находится внизу, Элька задала своему клиенту такого жару, что он и двух минут не выдержал, сдался, оповестив об этом протяжным сдавленным стоном.

Финиш! Победно усмехнувшись, она ловко спрыгнула на пол и полюбовалась перекошенной физиономией Кости, жадно хватающего ртом воздух. Оттого, что Элька смотрела на него, распластанного на кровати, с высоты своего роста, он казался ей поверженным врагом. Они все были ее врагами, все мужики без исключения. Даже те, кто пытался быть нежным или пьяно признавался в любви. Особенно последние. Лирики в грошовых презервативах. Романтики анального секса. Поэты минета.

– А ты ничего, – признал оклемавшийся Костя, поощрительно глядя на нее снизу вверх. – При фигуре, при мордашке... Очень даже симпатичная.

Вместо того, чтобы расцвести майской розой, Элька по-осеннему пасмурно спросила:

– Чем-нибудь угостишь симпатичную? Или программой не предусмотрено?

– Коньяк и апельсины. На большее не рассчитывай. Я убежденный холостяк, и этим все сказано.

– Тащи коньяк и апельсины, – милостиво разрешила Элька. – Сойдет.

Когда клиент встал и принялся брезгливо избавлять свое поникшее достоинство от резинки, она поспешно отвернулась. Это был явно не тот Костя, который приводил в Одессу шаланды, полные кефали, и заставлял биндюжников вставать при своем появлении. Скорее он смахивал на Карлсона без пропеллера. Стандартный мужчина в полном расцвете сил. До габаритов свиновода ему было далеко, но слеплен он был из того же рыхлого теста.

Пока он возился на кухне, Элька прошлась по комнатам, привычно прикидывая стоимость обстановки. Сумма получалась не то чтобы внушительная, но и немалая. Значительно превышающая все то, что она сумела заработать известным местом. Телевизор с суперплоским экраном, компьютер, музыкальный центр, светлая мебель из настоящего дерева.

– А кондиционером почему не обзавелся? – полюбопытствовала она, продолжая обход.

– Зима на носу, – пояснил Костя из кухни. – Летом установлю «Тошибу», круче не бывает.

Установит, завистливо подумала Элька. И еще всякой всячины закупит. Этот не пропадет, поотирается своей волосатой задницей в нужном месте в нужное время и огребет денег. А от моей задницы, хоть она в тысячу раз привлекательнее, проку мало. Добавить ему в коньяк клофелина, что ли? – внезапно озлобилась Элька. Она уже направилась к сумочке, когда вспомнила, что избавилась от уличающего ее снадобья еще вчера. Бутылкой же орудовать больше не хотелось. Так что повезло хозяину квартиры. Дважды повезло – если бы не необходимость перекантоваться где-нибудь до утра, никогда не поимел бы он Эльку.

– Заждалась?

Он возник в спальне с подносом в руках, такой вальяжный и самодовольный, что Эльке вдруг захотелось дернуть его за причинное место, чтобы увидеть растерянное выражение на его физиономии. Уронит поднос, заорет благим матом. Прольется отвратная «Плиска», которую только безнадежный оптимист осмелится назвать коньяком, покатаются по коврику апельсины. Вот будет цирк!

Благоразумно спрятав руки за спину, она ответила:

– Прямо извелась вся. Лицо не сильно осунулось?

– Куда уж сильнее, – парировал он. – Лучше питаться надо, золотце.

– От твоего угощения не очень-то поправишься, – хмыкнула она.

– Зато витамины. Выбирай. – Он протянул к ней поднос с оранжевыми цитрусами и невольно задрал голову, оценивая стать гостьи. – Ну ты и вымахала! Какой у тебя рост?

– Метр семьдесят.

– Не может быть, – усомнился Костя. – У меня метр семьдесят три. А ты выше.

– Я не выше, – сказала Элька. – Это ты ниже.

– Не понял.

– И не надо понимать. Наливай. Отметим наше знакомство.

Поднос с выпивкой и фруктами был установлен на кровати, а Элька и Костя устроились по обе стороны от него – прямо два голубка, собравшиеся поворковать немного, прежде чем один начнет топтать другого. Ощипанные догола голубки с пупыристой кожей. Представив себе эту идилическую картину, Элька фыркнула и пожаловалась:

– Прохладно тут у тебя. Я наброшу что-нибудь?

– Обязательно, – кивнул Костя. – Утром. В шесть часов ноль ноль минут.

– Чтобы деньги зря не пропадали?

– Чтобы помнила, кто есть кто.

– Кто есть ху, – поправила Элька. – Это мне и так известно.

С этими словами она в один присест выпила свою порцию и скривилась, не столько от резкого коньячного духа, сколько из отвращения к своему подневольному положению.

– Я тост, между прочим, хотел сказать, – слегка обиделся Костя, проводив взглядом метнувшуюся туда-сюда стопку.

– Говори, – снисходительно согласилась Элька. – Я могу выпить еще, наливай. Вот только апельсинчик почищу.

Его светло-голубые глаза взмыли к подвесному потолку, порыскали там, выискивая подходящие слова, и вернулись обратно.

– Хотя ты и вредная, но... – произнес он, прежде чем влить в себя коньяк. Потом передернулся весь и добавил: – Ух-х!

Это и был обещанный тост. Произнеся его, Костя уставился на Эльку, причем глядел не в ее глаза, а на пару грудей, словно сравнивая одну с другой, прежде чем выбрать, какой именно закусить. «Сейчас опять начнется, – обреченно подумала она. – Разговорить его нужно, подпоить. Терпеть пьяные откровения легче, чем все остальное».

Поглощая дольку за долькой почти безвкусного и совсем не сочного апельсина, она поинтересовалась:

– Ты вообще кто?

Костя вылакал еще полстакана, впился зубами в неочищенный апельсин и ответил:

– Гум-гум-гум.

Ей стопочку отвел, а сам емкостью повместительнее орудовал, жадюга. И по этой примечательной детали Элька догадалась, что означала его полупрожеванная фраза.

– Коммерсант, что ли?

– Ну да. – Костя чему-то засмеялся, и это получилось у него довольно пакостно. – Сегодня с утра стал миллионером, например, – сообщил он после короткой паузы, уже без особого веселья, а потом и вовсе помрачнел прямо на глазах, скис. Жизненной энергии в нем осталось не больше, чем в свернувшемся молоке.

– Ты – миллионер? – переспросила Элька, не скрывая своего недоверия.

– Уже нет. – Тон у него был прямо-таки замогильный.

Таким хорошо выражать президентские соболезнования народу.

– Чем же ты торгуешь, если не секрет? – продолжала Элька интервьюировать его, намереваясь растянуть диалог до бесконечности. – Что покупаешь, что продаешь?

– А что попало. Взять хотя бы сервисные услуги. Широкий спектр.

– Это как?

Костя несколько оживился, вылил в глотку очередную порцию коньяка и с чавканьем вгрызся в свой апельсин, который и без того выглядел так, словно его терзала свинья. После чего, утирая подбородок, пояснил с мечтательным выражением лица:

– Представь себе, что сейчас лето, разгар сезона абитуриентов. А во всех газетах объявления: такая-то фирма проводит платные курсы с гарантией поступления в любой, – он многозначительно поднял палец, – в любой вуз страны. Желающих, допустим, сотня набралась. С носа по три штуки – получается триста тысяч рублей. Учреждение фирмы, аренда помещения, зарплата преподавателям – минус 100 000. Чистыми остается столько же. Вот тебе и полноценный летний отдых в любой точке земного шара, – закончил Костя свой короткий доклад на мажорной ноте.

Элька задумчиво сузила глаза, пошевелила губами и подытожила:

– Если от трехсот тысяч отнять сто, получится двести. С арифметикой ты явно не дружишь.

Костя захохотал так радостно, точно его сразу во всех укромных местах пощекотали.

– Так ведь одна половина абитуриентов поступает, а другая – нет! – воскликнул он. – Теория вероятности, пятьдесят на пятьдесят. Чтобы не было осложнений с законом и крутыми папашами, я неудачникам денежки возвращаю, все чин-чинарем. Но остальные-то все-таки поступают! Тем более что учеба сейчас платная, конкурсы не в каждом вузе.

– Лихо, – оценила Элька. – А как ты граждан осенью обуваешь, в данный момент?

Костя снова насупился и демонстративно сунул в зубы сигарету, давая этим понять, что новых откровений не будет. Лицо у него стало злым и недружелюбным, как это обычно бывает спросонья.

«Похоже, дядечка тоже напоролся на чьи-то сервисные услуги, – определила Элька. – Как бы не взялся на мне отыгрываться. Эх, скорее бы утро. Вагончик тронется, перрон останется. Заплеванный, грязный перрон такого же грязного города Курганска».

Докурив несколькими жадными затяжками сигарету до самого фильтра, Костя прикончил остатки «Плиски», посопел немного и глухо признался:

– Кинули меня. Как последнего лоха кинули.

– Бывает, – осторожно посочувствовала Элька. – У нас тоже всякое случается. То бандитский субботник, то грузинский хор... А однажды меня на какую-то военную базу завезли. Офицеры там квасили по-черному. Меня трое суток продержали, потом домой пешком отправили. Расплатились консервированной ветчиной, прикинь! Дали сумку, а в ней промасленные банки!

Костя проявил к ее рассказу неожиданный интерес:

– И много их там было?

– Говорю же: полная сумка. Килограммов сорок весила, пришлось в лесу бросить.

– Я не о том! – Костя досадливо поморщился. – Офицеров этих, их много было?

Бросив украдкой взгляд на восторженный указатель Костиного нездорового интереса, который медленно возрастал прямо на глазах, Элька сообразила, что ее занесло не в ту степь и попыталась исправить положение:

– Один был. Генерал старенький, седой весь. У него ничего толком и не получилось.

– У меня получится, – пообещал Костя.

Голубизна его глаз окончательно поблекла, окантовка зрачков смазалась. Надо понимать, дрянная «Плиска», выпитая почти натошак, запоздало шибанула клиента по мозгам, рождая там пьяные идеи и фантазии, требующие немедленного воплощения в жизнь.

Элька вздрогнула, когда чужие липкие руки, обильно сдобренные коньяком и апельсиновым соком, легли на ее плечи.

– Иди сюда, киска, – предложил он утробным голосом. – Помурлыкаем...

– Поднос убери. Резинку надень. – Элькин голос звучал монотонно, словно она была медсестрой, готовящей пациента к осточертевшей процедуре. – Теперь ложись на спину.

– Нет, – Костя покачал головой. – Это мы уже проходили, хватит.

– Тогда я лягу.

– И это не катит. Пойдем...

Ухватив Эльку за локоть, он вытащил ее на середину спальни. Здесь, развернув ее к себе лицом, он опять положил ей руки на плечи, давая понять настойчивым нажимом, что желает видеть ее перед собой коленопреклоненную, а не возвышающуюся во весь рост.

Неохотно подчинившись, она оказалась в униженном положении кающейся распутницы, на темечко которой в знак отпущения грехов возложена милостивая длань священника. Ритуальный обряд, позволяющий любому, самому захудалому мужчине восторжествовать над женщиной, которая во сто крат его краше и лучше.

До отправления поезда оставалось еще много времени, но Элька вдруг поняла, что должна ощутить себя свободной и независимой прямо сейчас, если хочет попрощаться с прошлым с гордо поднятой головой.

– Знаешь, – сказала она, сбросив резким движением Костину руку, – ты можешь запросто научиться обслуживать себя самостоятельно.

– Что ты сказала?

– Я сказала: сам. У тебя должно получиться, если хорошенько потренируешься. Главное, добиться гибкости позвоночника.

– Ах ты тварь!

Костя занес правую руку для пощечины. Элька совсем не по-христиански приготовилась уклониться и одновременно начала приподниматься, чтобы подготовиться к отпору. Так оба и замерли, застигнутые врасплох внезапным шумом на лоджии, соседствующей со спальней. Грохот, а потом перезвон бьющегося стекла – посреди ночи это прозвучало довольно-таки впечатляюще.

– Кот? – со слабой надеждой спросила Элька, хотя устроить такой тарарам было под силу только слону в посудной лавке.

– Какой еще кот, в задницу! – прошипел Костя. – Нет у меня никакого кота!

И он, и Элька во все глаза смотрели на темные окна лоджии, затуманенные прозрачными гардинами, но разглядеть им ничего не удавалось. Зато они отлично слышали, как там продолжают звякать и тренькать уже мелкие осколки. Очень скоро на лоджии кто-то шумно затопал, завозился, а потом к стеклу снаружи прилипла молодая мужская физиономия. Белая на фоне черного, она смотрелась не менее эффектно, чем полная луна в ночном небе.

– Открывайте! – голос прозвучал глухо, как если бы незнакомец говорил сквозь подушку.

Эльке неожиданно вспомнился фильм про оживших мертвецов. Она увидела, как Костю медленно повлекло к двери лоджии, точно он был бестолковым карпом, подтягиваемым за невидимую леску навстречу неминуемой гибели. Она хотела остановить его предупреждающим криком, но заметила за стеклом прижатую к нему вплотную внушительную железяку с идеально круглым отверстием и сообразила, что оттуда в любой момент могут вылететь пули. Тупая Костина покорность стала вполне объяснимой. Под прицелом поневоле сомнамбулой станешь, никакого гипнотизера не нужно.

Сердце у Эльки затрепыхалось, как воробышек, зажатый в неумолимо сжимающейся пятерне.

Забыв обо всем, она оцепенело наблюдала, как Костя открывает дверь. Потом в спальню вместе со сквозняком проник высокий широкоплечий парень с короткой светлой стрижкой и посмотрел прямо на нее.

Глаза, с открытым взглядом которых пришлось столкнуться Эльке, оказались не просто голубыми, как у того же Кости, а васильковыми, с тем ярким оттенком синевы, который можно увидеть редким погожим днем в конце осени. Вспомнив, что она совсем раздета, Элька невольно поежилась. Такие же необыкновенно чистые и ясные глаза были когда-то у ее Антошки, и воспоминание об этом, как всегда, оказалось болезненным. Зато на смену расслабляющей растерянности сразу пришел холодный расчет, без которого красивой одинокой девушке не выжить в этом мире.

Заставив себя не увлекаться синими глазами, Элька стала приглядываться к их обладателю, стараясь правильно оценить, какую опасность он собой представляет.

Выглядел парень так, словно вышел прогуляться на улицу, а не собрался грабить чужую квартиру. Ни маски, ни перчаток, ни злобщей гримасы на лице. Эльке даже показалось, что он готов смущенно улыбнуться, извиниться за свое вторжение и вновь раствориться в ночи.

Но незванный гость никуда не делся, как и автомат, тускло поблескивающий на уровне его живота. Почему-то Элька заметила этот грозный предмет не сразу, а когда заметила, испугалась его не так сильно, как при виде гантели, которую парень держал в свободной руке. Она была ярко-желтая, с черными отметинами облупившейся краски, а в придачу окроплена кровью. Но хуже всего оказалось то, что набалдашник железяки был местами облеплен чем-то очень смахивающим на человеческие волосы.

Эльку била мелкая дрожь, а парень с окровавленной гантелью молча переводил взгляд с нее на Костю, как бы решая про себя, кому из них раскроить череп в первую очередь.

«Кто он? – лихорадочно соображала она. – Обычный грабитель? Серийный маньяк? Братан бандита, опоенного клофелином? Или наемник пузатого свиновода?» Парень мог оказаться кем угодно, и оттого, что цель его визита оставалась полнейшей загадкой, Эльке стало страшно вдвойне.

Покосившись на хозяина квартиры, она поняла, что тот вообще парализован ужасом. «Значит, это по его душу пришли, – предположила Элька. – Парень явился за какими-то недополученными сервисными услугами. Обманутый абитуриент, восстанавливающий справедливость с помощью гантели. Меня он не тронет, нет, не тронет. Нужно только держаться от Кости подальше: мол, моя хата с краю».

Медленно, подчеркнуто плавно Элька поднялась на ноги, попятилась к кровати и улеглась, натянув одеяло до подбородка.

«Я просто лежу, отдыхаю и никому не мешаю. Можете выяснять отношения, бить стекла, колотить друг друга тяжелыми предметами по голове. Можете даже устроить небольшую перестрелку. Сколько угодно, на здоровье. Но лично я в этом не участвую. Меня вообще здесь нет».

Парень, которому невольно пришлось следить за перемещением Элькиной голой фигуры по комнате, сначала порозовел, а под конец и вовсе разругался до некоторого сходства с созревающим помидором.

– Ты тоже ложись, – сказал он Косте подсевшим голосом. Гантель с тяжелым стуком прилегла на тумбочку, а автомат, перехваченный обеими руками, повелительно повел стволом в направлении кровати.

– Зачем? – тупо спросил Костя. С парой своих выступающих вперед зубов он напоминал откормленного суслика, страдающего оттого, что не может немедленно спрятаться в укромную норку.

Парень увидел его состояние и произнес успокаивающим тоном:

– Лежать – оно удобнее. И перед глазами маячить не будешь... Я тут это... перекантуюсь немного и уйду. Договорились?

Почему-то при этом он посмотрел на Эльку, и она снова обратила внимание на глубокую синеву его зрачков.

– Конечно, конечно, – быстро согласился Костя и тут же юркнул под одеяло, тесня холодным задом Эльку к стене.

Был он при этом так настойчив, словно намеревался осуществить на практике один из заумных способов любви, описанных в «Камасутре».

Слегка наподдав ему коленкой, чтобы уgomонился, Элька начала постепенно успокаиваться. Гость не был ни налетчиком, ни киллером. Несмотря на весь свой арсенал, он чувствовал себя очень неуверенно, а еще он легко смущался, прямо как красная девица. Нет, не чужие шкуры он явился дырять, а спасал свою собственную. Конечно, если за ним гналась милиция, то существовала опасность оказаться заложницей, но Элька мало верила в такой оборот. У парня было слишком добродушное и простоватое лицо для отчаянного террориста. Такому отпустить волосы подлиннее – и можно Иванушек-дурачков изображать в детских постановках. Интернациональный типаж.

– Ты кто? – спросила она парня, смелея с каждой минутой.

– Я? Получается, сосед ваш.

– И как тебя зовут, сосед? – Элька заинтересованно приподнялась на локте, как бы забыв поправить одеяло, соскользнувшее с плеча.

Парень отвел глаза и буркнул:

– Петр я.

– Петя?

– Петр! – упрямо поправил он. – Петями петушков в деревне зовут.

Элька тихонько засмеялась, но, спохватившись, представилась с достоинством царицы, принимающей посла в собственном будуаре:

– Элеонора. А рядом со мной Константин.

Голос у нее получился грудной, тон – величавый. Даже сама восхитилась. А на парня по имени Петр она произвела совсем уж неизгладимое впечатление, это было заметно невооруженным глазом.

– Я его знаю, Константина твоего, – неожиданно сказал парень без особого восторга от своего открытия. – Он сегодня у нас в офисе был.

– Точно! – обрадовался Костя так, словно встретил земляка за тридевять земель от родины. Но в следующую секунду его голос уже потускнел: – Ты ведь охранник Лехмана, так? Где он сам? Куда делся?

Насторожившаяся Элька, внимательно следившая за этим диалогом, заметила, что при упоминании нерусской фамилии настроение у парня тоже испортилось. Словно черт был некстати помянут или вообще олигарх какой.

– Далеко теперь Лехман, – проворчал он. – Отсюда не видно.

– Смылся?

– Убили его. Сегодня днем.

– Понятно, – протянул Костя, хотя по его лицу было видно, что он сообщению не поверил.

Парень постоял немного, пытаясь хмурить пшеничные брови, а потом, как бы спохватившись, шагнул к выключателю и спросил извиняющимся тоном, совершенно не вязавшимся с автоматом и окровавленной гантелью:

– Я свет погашу, ладно?

– Гаси! – отозвалась с напускным весельем Элька вместо заторможенного хозяина квартиры. – Темнота – друг молодежи. – Услышав смущенное хмыканье парня в нахлынувшем мраке, она радушно предложила: – Иди к нам, не стесняйся. Кровать здесь широкая, все поместится. Костя тебе не откажет, да, Костя?

Уловив раздраженное, но опасливо приглушенное сопение соседа, Элька откинулась на подушку и зашлась злорадным хохотом, дивясь тому, как сильно смахивает ее смех на рыдания.

Если бы ее мог услышать в этот момент Антошка, он вскинул бы на нее незрячие глаза и спросил: «Почему ты плачешь, мама? Тебе плохо?» Только не слышал ее сынишка. Слишком далеко он находился. И надежда обнять его уже послезавтра вдруг показалась Эльке несбыточной мечтой.

Глава 6

Кровавая головоломка

Петин сон никогда не бывал чуток и тревожен. Честно говоря, обычно он попросту отрубался и дрых без задних ног, реагируя на окружающую действительность не более живо, чем любой неодушевленный предмет.

Так было и в родной Еленовке, и в ПТУ, и на срочной службе. Вечная проблема в разных местах разрешалась по-разному. Дома батя будил сына посредством холодной воды, которую бесцеремонно лил на него из носика чайника. Дружки-пэтэушники выносили соню вместе с кроватью в коридор общаги и там выставляли на всеобщее обозрение, причем, как правило, без трусов, что значительно повышало его рейтинг среди немногочисленных девчат. В армейской казарме Петру делали «велосипед», то есть вставляли между пальцами его ног горящие спички и, покатываясь от смеха, наблюдали, как он энергично вращает несуществующие педали. Но этот аттракцион был популярен лишь до тех пор, пока Петр спросонок не сломал челюсть самому азартному и веселому зрителю, а случилось это уже на второй неделе доблестной службы.

Со временем он приучился вставать вовремя, при необходимости даже в шесть часов утра, если перед сном отдавал мозгу соответствующий приказ, представляя себе при этом циферблат часов с замершими в нужном положении стрелками. Но в промежутках между укладыванием в постель и пробуждением Петр по-прежнему становился чурбан чурбаном, из которого хоть Буратино вытесывай – не пикнет даже. Эта особенность Петиного организма могла бы дорого ему обойтись той темной ночью, когда он провалился в забытие, совершенно обесиленный испытаниями, выпавшими на его долю днем.

Спасла Петра заурядная упаковка сосисок, которую он сохранил на сердце как память о покойной Юлечке. Было чем ее помянуть по православной традиции.

Сосиски эти, скользкие, окрашенные в цвет от мороженых пальцев, если и были куриными, как гласила надпись на пакете, то готовили их не из мяса, а из натурального дерьма, выработанного на птицеферме. Но Петр слишком хотел есть, чтобы вникать в такие подробности. Кроме того, он ведь вырос в деревне, где любые колбасные изделия считались наипервейшим лакомством, поэтому и накинусь на угощение с остервенением изголодавшегося кота.

Расплата за жадность и неосмотрительность наступила ночью. Началось все с тревожного сна с погонями, завершившегося бесконечно долгим падением с высоты, от которого Петины внутренности разом перевернулись. Его подбросило на диване так, словно он действительно сверзился на него из поднебесья. Рот был полон кислой слюны, тело снаружи покрылось испариной, а изнутри его пронзала режущая боль во взбунтовавшемся желудке.

Не успев даже зажечь свет, Петр ринулся в туалет, и если бы на короткий марш-бросок потребовалось хотя бы одним скачком больше, он мог бы не успеть донести свою беду до места назначения.

Последовавшие приступы были столь бурными и многократными, что, когда Петра прогнало от желудка до распоследней тощей кишки, он так и остался сидеть на унитазе со слабой улыбкой много выстрадавшего, но по-своему счастливого человека. Отдаляться от туалета было рановато, да Петр и не спешил никуда. После многолетних мытарств в неблагоустроенных общественных сортирах он научился ценить все прелести такого вот маленького замкнутого мира, где никто не мог нарушить его мечтательный покой.

Прежние хозяева квартиры оборудовали туалет уютным настенным бра в виде увядшего тюльпана, целой портретной галереей известных артистов и стопочкой ветхих журналов «Зарулем», изданных еще до Петиного рождения. Сам он дополнил интерьер парой пятикилограм-

мовых гантелей, занявших почетное место по обе стороны от унитаза. Артистов разглядывать во время вдумчивых посиделок было скучно и как-то неловко. Журналы вообще не привлекали Петино внимание, поскольку автомобили там были представлены безнадежно устаревшие, а непосредственно печатным словом он мозги забивать не любил, намереваясь сохранить их в почти первозданном виде на потом. Оставались нехитрые упражнения с гантелями, которые, как полагал Петр, даже способствовали процессу отправления организма. Получалось сочетание полезного с не менее полезным.

Скупое радуясь накатившему умиротворению, он нагнулся было за гантелями, как вдруг замер, гадая, почудился ли ему посторонний шум или он действительно имел место. Крак! Навострив уши, Петр определил источник происхождения звука: дверной замок, в скважине которого проскрежетал вставленный ключ. Тихий, вкрадчивый скрежет повторялся вновь и вновь. Впечатление было такое, что входную дверь пытается открыть пьянчуга, неспособный подобрать нужный ключ даже с десятой попытки.

Если бы не приключение по дороге в аэропорт, Петр немедленно отправился бы выяснять, кто и зачем пытается проникнуть в его жилище. Окажись это владелец квартиры, не избежать бы ему пары десятков нелестных эпитетов за столь позднее вторжение. И Петр, поспешно приведя себя в порядок, уже намеревался кинуться на бытовые разборки, когда вдруг вспомнил, что случается в кино со свидетелями заказных убийств. Ведь Лехмана с его секретаршей завалили не просто так, от нечего делать. А потом золотозубый автоматчик преследовал Петра тоже не из безобидного желания посостязаться с ним в беге по пересеченной местности.

Неприятно стало Петру, очень неудобно и одиноко, особенно когда в звенящей тишине едва слышно пропели петли открываемой двери: здра-а-а-асте!. Сжав в правой руке гантель и погасив бра, чтобы не привлечь внимания неизвестного взломщика светом, пробивающимся сквозь щели, он выпрямился и затаил дыхание.

Входную дверь за собой не захлопнули, а осторожно притворили. Потом под ногами ночного гостя несколько раз скрипнули половицы, он приближался, отчего Петру вдруг страстно захотелось снова опуститься на унитаз.

Незнакомец с сильным дыханием заядлого курильщика остановился совсем рядом – в тесном закутке между туалетом и комнатой. Здесь он замер, наверное, давая глазам привыкнуть к темноте, как тоскливо догадался Петр. Когда за дверью раздалось тихое металлическое клацанье, ему стало окончательно ясно, что отсидеться в уборной не удастся: обыск однокомнатной квартиры должен был занять гораздо меньше времени, чем предполагал провести Петр на этом свете.

Сознание того, что его снова собираются лишить жизни, как какого-то безропотного бычка на бойне, внезапно придало ему столько сил и решимости, что моментально переполнившая Петра энергия вырвалась наружу с совершенно дикарским воплем, пронзившим ночную тишину:

– Ии-ии-ээ-ЭЭ-ЭХ!!!

Еще только заведя этот клич, он пинком распахнул дверь, на середине выдоха определил в темноте примерное местонахождение незнакомца, а завершающую ноту совместил со взмахом гантелью. Инстинкт подсказал ему, что необходимо прежде всего ошеломить, парализовать противника, и тот же звериный инстинкт направил во мраке его руку, сжимающую чугунный снаряд.

Удар пришелся вскользь, лишь задев обращенный к Петру затылок по касательной, прежде чем обрушиться на подвернувшееся правое плечо, но все же удар этот выбил из незнакомца сдавленное оханье, а из его рук – увесистый металлический предмет, грянувший об пол. Почти без размаха Петр вторично двинул гантелью, на этот раз наискось, снизу вверх, прямо в обращенное навстречу неожиданной угрозе лицо. Прошуршали по обоям пальцы,

пытающиеся ухватиться за стену прихожей, потому что удар отшвырнул темную фигуру сразу на несколько шагов. Петр не отставал, еще дважды успел добавить падающему куда попало, кажется, по рукам, прикрывающим голову.

В электрическом свете, залившем прихожую по мановению Петиного пальца, он увидел распростертого на полу чернявого мужчину, того самого, который утром манил его к себе на пустынной дороге, предлагая самому подставиться под автоматную очередь. Тогда он скалил свои сверкающие фиксы. Теперь один выбитый золотой зуб прилип к его подбородку, залитому густой кровью. Автомат тоже никуда не делся, валялся поодаль, а без него чернявый выглядел слабым, жалким и незащищенным мужичонкой лет пятидесяти, в котором, столкнувшись с ним нос к носу в обычной обстановке, и не заподозришь лихого разбойника.

Петр смотался в комнату и быстро оделся, не спуская глаз с тщедушного противника. Догадываясь, что в квартире засиживаться больше ни к чему, натянул куртку, снова вооружился гантелью и осторожно пнул ботинком распростертое на полу тело:

– Ну, ты! Кончай придуливаться!

Мужичок приоткрыл глаза и поискал мутным взглядом того, кто к нему обращается. Обнаружив перед собой Петра, он ничуть не удивился, а только выплюнул очередной золотой зуб и страдальчески шмыгнул распухшим носом.

– Граблю сломал, – пожаловался он, слегка пришепetyвая по причине частичной утраты четкости дикции.

Петр успел бросить недоумевающий взгляд по сторонам, прежде чем сообразил, что речь идет о руке, которую чернявый бережно прижимал к тщедушной груди.

– Так тебе и надо! – выпалил он. – Зачем приперся? Я что, в ментовку побежал показания давать? Нет! Я домой пришел и спать лег. А ты опять со своим автоматом лезешь! У, гад!..

Петр мстительно замахнулся, заставив мужичка проворно заслониться уцелевшей рукой и затараторить успокаивающим тоном:

– Братишка! Ты что, братишка! Хорош меня по балде долбить. Я не дуб, ты не дятел.

– Любоваться на тебя прикажешь? – спросил слегка поостывший Петр. – Зачем шефа моего убил? С кого мне теперь зарплату получать, с тебя?

– Зарплату? – Мужичок вдруг стал таким озадаченным, что даже кровь, набегающую из рта, перестал сплевывать на пол. – Тебе разве всего этого лавешника хрустящего мало?

Теперь наступил черед Петра удивляться:

– Какого еще лавешника?

Мужичок странно посмотрел на него и осторожно спросил:

– Ты, что ли, не в курсах? Разве вы не вместе за бугор намылились?

– А ну, кончай загадками говорить! – рассердился Петр, снова заноса гантель. – Лавешник какой-то выдумал! Вот дам сейчас по башке, чтобы не умничал! Насмерть зашибу!

Он не слишком-то и притворялся, между прочим. Хотя чернявый изъяснялся вполне доходчивым языком, в его манере общения проскальзывало что-то блатное, пальцы его рук синели наколками, а от него самого исходил тот самый гниловатый душок зоны, который патологически ненавистен выросшим на воле деревенским жителям. Нет у блатаря более опасного естественного врага, чем деревенский мужик, доведенный до крайности. И состояние у Петра было примерно такое, как у загнанного в угол бугая, готового растоптать или поднять на рога преследующего его волка.

– Э! Э, братишка! – забеспокоился чернявый. – Погоди железякой махать! Кузнец какой выискался! Я ж человек маленький, подневольный. Стингер весь этот зехер затеял, с него и спрашивай.

– Какой еще стингер-фигингер?

– Дракон крылатый... Ну, пахан мой, понимаешь?

– Батя? – уточнил Петр.

– Такого батю махновцу не пожелаешь, в натуре. Чеченцу лютому такого батю не сосватаешь. Сказано тебе: пахан!

Петр поморщился. С настоящими бандитами и их паханами ему еще сталкиваться не приходилось, и желания такого никогда не возникало. Разумеется, он знал, что существует какой-то темный мирок всяких там хаз да малин с хавирами, но его воротило уже от одних этих поганных названий. Дружки из ПТУ и армейские товарищи Петра любили щеголять блатными словечками, но лично он не находил в этом ничего привлекательного. Скажешь, к примеру, «хавка», и во рту гадко становится, будто не о нормальной еде речь идет, а о вонючей тюремной баланде. Назовешь девушку «соской» или «мокрошелкой», такой она и покажется – ни радости от нее, ни удовольствия, одна сплошная грязь.

– И что ему нужно, пахану твоему? – угрюмо спросил Петр. – Чего он от меня хочет?

– Ты разве еще не допер? – Чернявый приподнялся на локте и внимательно посмотрел на него. – Не въехал в тему? – На его разбитых губах проступило нечто вроде глумливой усмешки.

Впечатление было такое, что он допрашивает Петра, а не наоборот. И последнему это не понравилось:

– Опять загадки? А по башке?

Косясь на нависшую над ним пятикилограммовую угрозу, чернявый ответил Петру таким честным и открытым выражением окровавленного лица, что рука просто не поднималась съездить по нему гантелей.

– Что ты, братишка? – запричитал он. – Какие могут быть загадки? Ты спрашиваешь – я отвечаю. Так?

– Ну? – буркнул Петр.

– Чемоданчик помнишь? Тот, с которым от меня на отрыв пошел... – Темные глаза мужичка сделались выжидательно-колючими.

– Почему не помню? Помню... И как ты, гад, мне вдогонку пулял, тоже не забыл! Я тебе заяц, чтоб на меня охотиться, да?

– погоди, братишка, – поспешно остановил мужичок закипающего Петра. – Это дело прошлое. И не в тебя я шмалял, а рядом. Чтобы ты угол... ну, чемодан сбросил от страха. – Он говорил уверенно, а потому убедительно.

– Так я его и выбросил, – скучно сказал Петр. – Бежал-бежал, а потом зашвырнул подальше.

– Куда зашвырнул? – оживился чернявый. – Где?

– А в лесочке каком-то. За полем. – Петр заскучал так, что даже зевнул во весь рот.

– В каком лесочке? Место хоть запомнил?

– А то! – с достоинством ответил Петр. – Там еще собака валяется.

– Какая собака? – опешил чернявый.

– Дохлая. Неизвестной породы. – Отметив про себя, что собеседник морщится уже не столько от боли, сколько от досады, что ему не удалось выяснить более точные координаты, Петр равнодушно спросил: – Что хоть в этом чемоданчике было? Какие такие сокровища, чтобы людей из-за них жизни лишать?

– Еще те сокровища! – мрачно произнес мужичок. – Я тебе сейчас скажу, братишка, а ты сразу забудь как страшный сон. – Попытавшись сесть, он скорчил мучительную гримасу и остался полулежать в прежней позе. Когда, отдышавшись, он заговорил снова, голос его то и дело сбивался на таинственный полусшепот: – Шефа твоего нерусского Лехманом Михаилом Иосифовичем величали, так? Темнилой он был редкостным, а не честным коммерсантом, дикими фраерами таких зовут. И вез он, братишка, в чемодане своем не карамельки бедным

сироткам, а... – Дойдя до этого интригующего момента, рассказчик вдруг зашелся нудным надсадным кашлем.

– Давай я тебя на живот переверну и по спине гантелькой постучу, – предложил Петр, когда ему надоело слушать бесконечное «бух-бух», сотрясающее тело, лежащее у его ног. – Сразу полегчает.

– Не надо! – быстро сказал чернявый. – Все ништяк. Оклемаюсь я.

– Ну так говори, раз оклемаюсь. А то тянешь кота за хвост, тянешь...

– Плутоний! – решительно выпалил чернявый.

– Что ты сказал?

– Плутоний, говорю, Лехман твой вез. Это такая химическая хреноверть, которую для ядерного горячего используют. Приходилось слышать?

Петр моментально вспомнил младшего батинного брата, дядю Лешу, которому довелось принять участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Дядя скончался через пять лет после своего подвига и походил в гробу на безносую мумию из фильма ужасов.

– Ну, – настороженно подтвердил Петр, – слышал я про всякие плутоны с ураниями. И что?

– А то! Радиации в этой беде на полный барак таких, как ты, хватит. Молоток, что чемоданчик вовремя бросил, а если все-таки где-нибудь в хате заныкал, то кранты тебе, дорогой товарищ! – Эти слова чернявый произнес с особым чувством. – Сначала полное облысение, – он, прищурясь, окинул взглядом Петину лобастую башку, – потом, когда волосы клочьями повывлезают, полная нестойка и отпадение кожаной иглы.

– Чего-чего?

– Агрегата твоего. За неделю сгниет и отвалится... Дальше рассказывать?

– Да ну тебя! – отмахнулся Петр с суеверным ужасом старообрядца, впервые столкнувшегося с самой настоящей чертовщиной. Потом этой же свободной рукой быстро провел по тому месту, за сохранность которого не может не опасаться ни один мужчина.

– Ну как? – Чернявый вопросительно поднял брови. – Держится пока болт? Не придется невесту пальцем колупать?

– Сам колупай! – озлобился Петр, потому что не испытывал стопроцентной уверенности в том, что опасный груз никак не повлиял на его здоровье. – Говорю тебе: выбросил я чемоданчик, когда от тебя драпал. А по дороге его Лехман на коленях держал... Хотя ему теперь никакое облучение не страшно, – философски заключил Петр после недолгой паузы.

– Это ты правильно сказанул, братишка, как говорится, абсолютно в сисю, – согласился чернявый, тоже преисполнившийся задумчивости. – Мертвые не болеют и не потеют. По барабану им все. А нам, живым, как хочешь, так и вертись теперь. Э-эх!

Его лицо, покрытое коркой уже запекшейся крови, походило на скорбную маску. Поглядывая на нее с некоторым раскаянием, Петр задал вопрос, давно вертевшийся у него на языке:

– Выходит, Лехман валежник этот... или лаврушник... ну, плутоний... у кого-то спер?

– Смекалистый ты, братишка, с ходу все просек. – Чернявый одобрительно цокнул языком, выражая свое уважение к собеседнику. – Тут ты опять в точку попал, в самую дырочку. Вот именно, что спер, только не у кого-то, а у папы Стингера, за что и поплатился головой своей бесшабашной. – Тираду завершил очередной вздох, да такой горестный, как будто покойный Лехман являлся закадычным другом чернявого или даже его ближайшим родственником.

Припомнилась Петру бесконечная смена офисов, таинственность, которую напускал на себя шеф при встречах с партнерами, его опасливое поведение на пустынном шоссе. А еще всплыло в памяти странное распоряжение шефа оплатить стоянку машины за два месяца вперед, а следом – нытье секретарши по поводу немодного купальника, который мог понадобиться ей уж никак не в осенней Москве. Невесело стало Петру, обидно и тошно, как всегда, когда

оказывалось, что его в очередной раз держали за дурачка, посмеиваясь тайком над его доверчивостью.

– Юля с ним заодно была? – задавая вопрос, Петр мрачно смотрел на свое отражение в зеркале и пытался определить, что именно в его внешности побуждает людей относиться к нему как к последнему недоумку.

– Юля? А-а, мочалка эта, которая без штанов бегала! – догадался чернявый. – Юля, братишка, это еще та жучка, ей конец в рот не клади! Короче, слушай сюда...

Если бы Петр оторвался от зеркала и получше присмотрелся к болтливому рассказчику, он бы очень скоро усомнился в искренности его преувеличенно вытаращенных глаз. Насторожила бы Петра и приблатненная скороговорка, местами смахивающая на бессвязный бред. Но он был слишком занят своими переживаниями, своими тяжелыми мыслями, среди которых главенствовала одна: «Что ж вы, Михаил Иосифович, положенную зарплату мне не выдали, если в бега решили податься с краденым плутоном? Ведь знали же, сволочь вы такая, что матушка моя без лекарств загнется совсем. С ней-то так за что? На инсулин для больного человека денег пожалели?»

– Какой инсулин? – опешил чернявый. – Ты о чем, братишка?

Сообразив, что он только что разговаривал вслух, Петр слегка смутился и сказал:

– Ладно, хватит языком трепать. Мне подробности про то, как кто чего у кого схлямзил, без надобности. Остохренело мне это все. Всюду одно и то же в Курганске вашем вшивом. Сваливаю я в деревню. Насовсем... Так что вставай и топай отсюда, пока я добрый. Автомат свой завтра заберешь, когда меня не будет.

Мужичок посмотрел на него с сожалением, как будто видел перед собой наивного проффилю, рассчитывающего выиграть в телевикторине поездку в Голливуд.

– Я-то потопаю, – печально сказал он. – А вот ты, братишка...

– Что я? – пасмурно спросил Петр.

– Тебя из дома живым не выпустят, – жарко зашептал чернявый мужичок с вдохновением начинающего астролога. – Стингер, он ведь с кентами своими снаружи караулит. Кто поверит, что ты товар выбросил? Пытать тебя станут, жилы на кулак мотать, живым на кусочки резать.

– Еще чего! – возмутился Петр. – Я же сказал тебе, где чемоданчик валяется... Километров за пять от речки-вонючки, на лесной опушке...

– В сторону города идти надо? – уточнил чернявый.

– Во-во! – подтвердил Петр. – Вдоль дороги и все прямо, прямо... Поищите как следует, так найдете. Забирайте плутоний свой хренов, на здоровье! – Сообразив, что здоровье и радиация вещи как раз несовместимые, он коротко хохотнул и закончил: – Лично мне такое счастье и даром не нужно!

Собеседник покачал головой:

– Нет. Не проканаает такой номер. Все равно пытать тебя станут, а потом утопят как котенка. Мафия! – Он произнес последнее слово с почти религиозным благоговением.

– Да ну вас всех на хрен! – Петино негодование возрастало с каждой секундой. – Пытки какие-то придумали... Я уехать хочу, и все! Кто станет у меня на пути – покрошу из автомата на фиг!

– А потом кича, шконка да небо в решетку, так, братишка? – Мужичонка соболезнующе покачал головой. – Да ты в камере от одного духана загнешься, если в деревне вырос. Туберкулез там с педикулезом и разные прочие неприятности. Оно тебе надо?

– Не надо, – честно признался Петр. – А Стингеру моему все равно не дамся. Зубы об меня обломает твой Стингер.

– То, что парень ты смелый, это хорошо, – задумчиво сказал чернявый, – а то, что горячий и глупый, – ой как плохо. Все можно миром решить, путем и без лишнего напрягу... Ты только

помоги мне встать, и выйдем мы потихоньку из подъезда вместе как настоящие корефаны. Я сам братве расклад объясню, мне поверят... Подставь-ка плечо, братишка, обопрись...

Еще не успев толком обдумать предложение, Петр, не выпуская из руки гантель, наклонился к покалеченному мужичку, заранее страдая из-за того, что новехонькую куртку придется измарать чужой кровью. Это было скорее инстинктивное желание помочь слабому, чем намерение идти на поклон к чужому пахану.

Левая рука чернявого мужичка, кисть которой сравнялась по толщине с ладонью, проворно обхватила Петра локтевым сгибом за шею, сам он повис на ней всей тяжестью, неуклюже копошась где-то внизу.

– Вставай-вставай, – подгонял его Петр. – Не барышня кисейная.

Бросив машинальный взгляд на зеркало, висевшее в прихожей, он не сразу сообразил, что картина, увиденная в отражении, имеет самое непосредственное отношение к нему лично. Просто один человек пытался поставить на ноги другого, а тот, другой, тем временем вытряхнул из рукава блестящий острый предмет, наполовину спрятавшийся в сжатый кулак. Теперь тонкое металлическое жало было направлено беспечному доброхоту прямо в живот, чуть выше пупка, а тот продолжал доверчиво склоняться над своим будущим убийцей.

«Так это же я, которого заколоть хотят!» – догадался внезапно Петр. Мысль, осенившая его, была такой молниеносной, что в сравнении с ней все происходящее вокруг напоминало замедленную съемку.

Вскрикнув от ненависти и отвращения, Петр подался навстречу противнику, наугад попытавшись перехватить вооруженную руку. Его пальцы схватили пустоту, но сам порыв оказался спасительным, потому что, если бы он попробовал распрямиться, чернявый, прилепившийся к нему пиявкой, как раз подгадал бы со своим коварным ударом. Потеряв же опору, он опрокинулся на пол, невольно приняв вес своего тела на здоровую правую руку. Вот тогда-то Петр и разогнул спину, резким рывком освободившись от захвата.

Его ярость была всепоглощающей и мутной, как штормовая волна. Опять его попытались обвести вокруг пальца, опять хотели оставить в дураках, и терпение у Петра лопнуло, как перетянутый стальной трос.

– Стингер?! – бессвязно ревел он, брызгая слюной. – Мафия?.. Пытать меня, значит?! Убивать?!

Все это время гантель безостановочно поднималась и опускалась, как будто превратилась в часть неуправляемого молотильного агрегата, вышедшего из-под контроля. Вверх-вниз, вверх-вниз. Когда завод постепенно закончился, Петр обнаружил себя стоящим над безжизненно распростертым телом. Блекло-желтые обои вокруг были испещрены красными потеками и кляксами, а по зеркалу медленно скользили вниз розовые комочки, напоминающие слизняков, оставляющих за собой влажные следы.

Опустив взгляд на лежащего, Петр тупо подумал, что теперь никто не определит с уверенностью, какого цвета у него были волосы до... до... в общем, недавно. Что касается лица убитого, то оно отсутствовало. Из блестящего красного месива, там, где у людей находится переносица, торчал острый обломок кости, почему-то белый, как отметил Петр, прежде чем его вывернуло наизнанку.

Извергая один желчный поток за другим, он смотрел сквозь набежавшие слезы на забитого им до смерти человека и не хотел верить, что ничего теперь исправить нельзя, что все останется так, как есть, и что забыть случившееся не удастся никогда.

Распрямлялся он долго и трудно, словно постарел сразу на несколько десятков лет. Бросил еще один взгляд на убитого, посмотрел на свое отражение, усеянное кровавыми брызгами, и только тогда окончательно понял, что проснуться не удастся. Все это было явью.

В мире появился очередной труп и очередной убийца. Минуту назад они должны были поменяться местами, но радости от того, что этого не произошло, не было. И страха тоже не было. Даже гнев куда-то улетучился. Прислушиваясь к своим ощущениям, Петр не обнаружил внутри себя ничего, кроме остатков тошноты. Но она постепенно проходила, а взамен ее не возникало ничего. Осталась только пустота. А еще дикая усталость.

Хотя в карманах у Петра только мелочь осталась, обыскивать труп он не стал, побрезгав прикоснуться к телу, испачканному кровью и тошнотворной подливой. Просто отметил про себя, что покойник собирался орудовать самой обычной металлической расческой с длинной заточенной ручкой, а из его кармана вывалилась большая связка разнокалиберных отмычек. «Урка, – холодно заключил Петр. – Так ему и надо. И честным людям хорошо – одним уродом меньше».

Странно, но после этого немного полегчало. Появились силы думать и действовать. Споро, но без лихорадочной спешки он стал готовиться к бегству.

Стингер со своей кодлой мог дожидаться Петра снаружи сколько угодно, он вовсе не намеревался прорываться из подъезда с боем. Насчет того, что в неволе он долго не протянул бы, покойный мужичок угадал правильно. Скорее Петр согласился бы добровольно стать к стенке, чем гнить заживо среди отбросов общества.

Тщательно отмыв в ванной лицо и руки, он почистил влажной губкой куртку и ботинки и только потом перешел в комнату. За считанные минуты из простыни, пододеяльника и двух занавесок был сплетен импровизированный канат, который Петр привязал к перилам балкона и спустил вниз, мало заботясь, достанет ли он с пятого этажа до земли. Уйти он намеревался через соседний подъезд, у которого никто его поджидать не мог. «Караулят они меня с автоматами да заточками, блатары поганые! – то ли бормотал вслух, то ли думал Петр про себя. – Караульте-караульте. Я вам не скотина безответная, чтобы меня ни за что ни про что жизни лишать!»

Жаль было бросать сумку с вещами, штангу, которую он отжал не один десяток тысяч раз, свернутый в рулон плакат с блондинкой на заморском пляже. Все было такое родное и знакомое. Вот только начиналась у Петра отныне совсем новая жизнь, а из той, прежней, где остался труп, он должен был исчезнуть.

Бросив на комнату последний взгляд, он пошарил по карманам, проверяя, на месте ли оставшиеся деньги и документы. Потом набросил на плечо короткий брезентовый ремешок автомата. Прихватил гантель, которая должна была пригодиться при перелазе на соседскую лоджию. Да и оседлал отсыревшие от моросящего дождика перила балкона, даже не перекрестясь на дорожку.

Брешь в застекленной лоджии справа он проделал гантелью, а потом старательно сокрушил осколки, засевшие в раме. Ладонь слегка порезал, рукав куртки распорол, но в целом управился ловко, без лишних телодвижений. А когда, раздвигая ногами пустые бутылки и невесомые картонки, приблизился к освещенному окну, увидел в комнате застывшую в испуге голую парочку. Девка на коленях стояла, мужик рядом торчал, разинув недоуменно рот. «Сектанты? Трясуны? – поразился Петр. – Во, бляха-муха, жизнь пошла: одни друг дружку убивают почем зря, а другие тем временем богу молятся!»

– Открывайте! – велел он, показав парочке автомат.

Глава 7

На ловца и зверь бежит

Не соврал Петру покойный насчет засады снаружи, хотя сам не ведал, что сказал правду. Во дворе, образованном блочными девятиэтажками, в одной из которых Лехман недавно снял охраннику однокомнатную квартиру, действительно приткнулась темно-синяя «Тойота» с полностью укомплектованным оружием экипажем. Стволов было пять – по одному на каждого. И все эти лихие люди с пасмурным выражением лиц на самом деле давно следили за Петиным подъездом, заняв такую позицию, чтобы их автомобиль сливался в темноте со скопищем мусорных баков, кустов и деревьев.

Фонарные столбы давно превратились в бесполезный антураж, так что свет из них можно было высечь разве что собственным лбом – в виде россыпи искр из глаз. Во дворе выделялись яркими прямоугольниками лишь окна домов, но дождливая мгла поглощала их скудный свет задолго до того, как он успевал достичь земли, поэтому обнаружить засаду мог только любитель обстоятельных ночных прогулок. Таких в округе давным-давно не наблюдалось.

О том, что в ночи отваживаются бродить какие-то живые люди, говорил лишь далекий истеричный смех, от которого за версту несло анашой.

«Тойота» безмолвствовала, даже приглушенная музыка не доносилась из нее наружу. Самое комфортабельное место переднего пассажира занимал сухощавый мужчина с обритым наголо черепом, отчего его уши казались раскинутыми на манер крыльев летучей мыши. Живости его глаз позавидовал бы разве что покойник, а тонкогубый рот мужчины напоминал шрам, оставленный острой бритвой. И все же это был именно рот, настоящий же шрам пересекал его левую щеку от уголка глаза до середины скулы.

Розовый рубец привычно дернулся, когда мужчина приоткрыл рот на ширину щели почтового ящика и негромко сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.